

И.Н. СТЫРКАС, Г.Ш. АБДУЛЛАЕВА, Р.Р. ТУМΠΑРОВ

Литература

I часть

Учебник-хрестоматия для 6 класса
школ общего среднего образования
с русским языком обучения

Издание 5-е, переработанное

*Утвержден
Министерством народного образования
Республики Узбекистан*

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ
АКЦИОНЕРНОЙ КОМПАНИИ «SHARQ»
ТАШКЕНТ — 2017

УДК: 821.161.1
ББК: 83.3 (2 Рос)-93
Л 64

Рецензенты:

Корчуганова О.А. — зам.заведующего ОМООДУНО
Мирабадского района
Икрамова Ш.И. — учитель высшей категории
школы № 96 г. Ташкента

В учебнике-хрестоматии использованы иллюстрации
художников: *В. Васнецова, В. Гальдяева, П. Пинкесевича,*
М. Кустодиева, Н. Кошкина, С. Алимова, Л. Непомнящего,
Г. Никольского, Л. Башировой

Обратите внимание!

Д — материал для дополнительного чтения

Издан за счет Республиканского целевого книжного фонда

Для использования в классе

Л 64 **Литература:** I часть. Учебник-хрестоматия для 6 класса
/ Авт.-сост.: И.Н. Стыркас, Г.Ш. Абдуллаева, Р.Р. Тумпа-
ров. — Т.: «Sharq», 2017. — 160 с.
И. Стыркас И.Н., сост.

ISBN 978-9943-26-613-1

УДК: 821.161.1
ББК 83.3 (2 Рос)-93

ISBN 978-9943-26-613-1

© И.Н. Стыркас.
© Главная редакция
ИПАК «Sharq», 2005, 2008, 2009, 2013, 2017.

Цвети, земля моя — родной Узбекистан!

1 сентября народ Узбекистана отмечает День независимости.

С 1991 года Узбекистан достиг огромных успехов на пути обновления. Это преобразившиеся города и селения. Это — красивейшие здания и современные предприятия, новые школы, колледжи и лицеи.

Независимый Узбекистан занимает свое достойное место на международной арене, сотрудничая более чем со 120 государствами мира. Наша сила проявляется и на международной спортивной арене. С гордостью мы называем имена наших атлетов, высоко поднявших знамя узбекского спорта на Олимпийских играх в Атланте (США), Афинах (Греция), Пекине (Китай), Лондоне (Великобритания). На XXI Олимпиаде в Рио-де-Жанейро (Бразилия) узбекские спортсмены завоевали 4 золотые, 2 серебряные, 7 бронзовых медалей.

Народ Узбекистана уверенно идет по пути построения демократического общества. Для этого всем надо много трудиться во имя интересов нашего государства, нашего народа, любить и беречь свою Родину.

ИМЯ ОТЧИЗНЫ

Все это земля родная —
Край древний Узбекистан.
Лик страны украшает
Поэтов труд и дехкан.
В ее высокие своды
Вплели узоры свои

Зодчие и звездочеты.
Накшбанд, Темур, Навои...
И нет выше цели в жизни:
Творя в священных садах,
Возвысить имя Отчизны
В дне нынешнем и в веках!

Хуснитдин Шарипов
(Перевод Р. Фархади)

КРАСОТА РОДНОГО КРАЯ

Вся передо мною — Родина моя!
Светлые дороги, добрые друзья.
Счастье здесь родиться — в солнечном краю.
Мир сегодня славит красоту твою!

Нежно расцветают на заре цветы,
В их улыбках, знаю, отразилась ты,
Степи и долины, тишина садов,
Блеск твоих старинных, славных городов.

Звезды Самарканда, песни Бухары,
Родники Джизака, Ферганы ковры
Из узоров ярких, трепета души,
И Хорезма краски, и простор Карши.
И напев Нукуса, Гулистана свет,
И восход Сурхана, и в огнях — Ташкент!
Славлю неустанно Родину свою,
Ты — Узбекистан мой, я тебе пою!

Джуманияз Джаббаров
(Перевод Р. Фархади)

Вопросы и задания

1. Почему праздник День независимости особенно дорог жителям Узбекистана?
2. Какие изменения произошли за последние годы в вашем городе, районе? Что нового появилось в вашей школе?
3. Прочитайте стихотворение Х. Шарипова «Имя Отчизны». Имена каких великих предков названы в стихотворении? Что вы о них знаете? Кого еще из великих ученых, поэтов, государственных деятелей вы можете назвать?
4. Прочитайте стихотворение Дж. Джаббарова «Красота родного края». Подберите из медиа средств информацию о городах Узбекистана, упомянутых в стихотворении. Подготовьте презентацию о своем родном городе, районе, поселке (кишлаке).
5. Подготовьте небольшое сочинение об участии спортсменов Узбекистана в Международных Олимпийских играх.

Устное народное творчество

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Слово «миф» греческого происхождения. Его переводят как «слово» или «предание», «сказание». Но слово это особенное — о богах и героях.

Мифы создавались в глубокой древности, когда люди делали первые шаги на пути понимания того, как возник мир, в котором они живут, и какие силы управляют им.

Известны мифы Древней Индии, Египта, древних славян, древних греков и др. Далекие предки разных народов представляли силы природы в виде живых существ, выдвигали свои версии сотворения мира.

Прошло несколько тысячелетий с момента появления мифов, но интерес к ним не ослабевает, хотя современный человек прекрасно понимает, что содержание мифов — это вымысел. И это не случайно, ибо мифы помогают нам представить жизнь древних людей, их быт, интересы и устремления. Изображая своих богов и героев, древние люди наделяли их самыми различными качествами: в мифах мы встречаем примеры мужества, отваги, стойкости, и в то же время — трусости, предательства, слабости. До наших дней мифы остаются неисчерпаемым источником мысли и сюжетов для писателей, поэтов, художников, музыкантов, архитекторов.

Миф — это древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о происхождении мира и явлений природы. Миф — вымысел, выдумка.

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

В древнегреческой мифологии Геракл — сын верховного бога-громовержца Зевса и смертной женщины Алкмены. Наделенный необычайной силой, Геракл совершил множество подвигов. Наиболее известен цикл сказаний о 12 подвигах Геракла. Кроме того, Геракл освободил Прометея, победил великана Антея, сражался с могучими гигантами...

По повелению бога-целителя и прорицателя, покровителя искусств Аполлона, Геракл поселяется в городе Тиринфе и служит царю Эврисфею. Выполняя приказания Эврисфея, Геракл совершает двенадцать великих подвигов.

Немейский лев (первый подвиг)

Гераклу недолго пришлось ждать первого поручения царя Эврисфея. Он приказал Гераклу убить немейского льва. Этот лев, порожденный Тифоном¹ и Ехидной², был чудовищной величины. Он жил около города Немеи и опустошал все окрестности. Прибыв в Немею, тотчас отправился Геракл в горы, чтобы разыскать логовище льва. Уже был полдень, когда герой достиг склонов гор. Нигде не видно было ни одной живой души: ни пастухов, ни земледельцев. Все живое бежало из этих мест в страхе перед ужасным львом. Долго искал Геракл по лесистым склонам гор и в ущельях логовище льва; наконец, когда уже солнце стало склоняться к западу, нашел его Геракл в мрачном ущелье. Логовище находилось в громадной пещере, имевшей два выхода. Геракл завалил один из выходов камнями и стал ждать льва. Когда уже надвигались сумерки, показался чудовищный лев с длинной косматой гривой. Натянул тетиву своего

¹ Тифон — в греч. мифологии стоглавое огнедышащее чудовище.

² Ехидна — в греч. мифологии чудовище — полуженщина-полузмея. (Переносное — злой, коварный человек).

лука Геракл и пустил во льва одну за другой три стрелы, но стрелы отскочили от его шкуры — так тверда она была. Грозно зарычал лев, рычание его раскатилось по горам подобно грому. Лев стоял в ущелье и искал горящими яростью глазами того, кто осмелился пустить в него стрелы. Но вот он увидел Геракла и бросился громадным прыжком на героя. Как молния сверкнула палица Геракла и громовым ударом обрушилась на голову льва. Оглушенный страшным ударом, лев упал на землю. Геракл бросился на него, обхватил его своими могучими руками и задушил. <...> Когда Геракл принес убитого им льва в Микены, Эврисфей побледнел от страха, взглянув на чудовище. Царь Микен понял, какой нечеловеческой силой обладает Геракл. Он запретил ему даже приближаться к воротам Микен; когда же Геракл приносил доказательства своих подвигов, Эврисфей с ужасом смотрел на них с высоких микенских стен.

Скотный двор царя Авгия (шестой подвиг)

Вскоре Эврисфей дал новое поручение Гераклу. Он должен был очистить от навоза весь скотный двор Авгия, царя Элиды, сына лучезарного Гелиоса. Бог солнца дал своему сыну неисчислимые богатства. Особенно многочисленны были стада Авгия. Среди его стад было триста быков с белыми как снег ногами, двести быков были красные, как сидонский пурпур, двенадцать быков, посвященных богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял, подобно звезде. Геракл предложил Авгию очистить в один день весь его громадный скотный двор, если он согласится отдать ему десятую часть своих стад. Авгий согласился. Он считал, что невозможно выполнить такую работу в один день. Геракл сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвел в него воду двух рек, Алфея и Пенея. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. Пришел Геракл к Авгию требовать на-

грады, но царь не отдал ему обещанной десятой части стад, и пришлось ни с чем вернуться Гераклу в Тиринф.

Страшно отомстил Геракл царю Элиды. Через несколько лет, уже освободившись от службы у Эврисфея, Геракл вторгся с большим войском в Элиду, победил в кровопролитной битве Авгия и уничтожил его смертоносной стрелой. После победы собрал Геракл войско и всю богатую добычу у города Писы, принес жертвы олимпийским богам и учредил Олимпийские игры, которые проводились с тех пор каждые четыре года на священной равнине, обсаженной самим Гераклом оливами, посвященными богине Афине-Палладе¹.

(По Н. Куну)

Вопросы и задания

1. Кто такой Геракл? Чем он прославился?
2. Какие черты характера воплощены в образе Геракла?
3. Перескажите близко к тексту эпизод борьбы Геракла со львом. Выделите слова и выражения, описывающие необыкновенную силу героя.
4. В книге «Легенды и мифы древней Греции» Н. А. Куна — одного из известнейших ученых первой половины XX века, занимавшегося изучением древнегреческой культуры, а также в сборнике «Герои Эллады» писательницы В. Смирновой вы найдете сказания о подвигах Геракла. Прочитайте их самостоятельно.

МИФЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Мифы древних славян отличаются богатством образов и красок, бесконечным разнообразием тем и сюжетов. Широко известны мифологические песни о Солнце, о силах природы, ее оживлении и увядании, рождении живородящего света

¹ *Афина-Паллада* — в греч. мифологии богиня войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремесла. Зевс, зная, что его сыну Гераклу придется преодолеть много опасностей, повелел Афине-Палладе помогать ему.

и наступлении тягостного мрака, былички и бывальщины¹ о духах природы — Лешем, Водяном, Русалке, в которых древние славяне поэтически выражали свои раздумья, мечты и желания.

Особое место в сокровищнице народного творчества занимает славянский миф о вечно юном, вечно радостном Яриле — боге весеннего солнца, покровителе любви и плодородия. Молодой и прекрасный, одетый в белые одежды, он едет на белом коне. На голове его венок из весенних цветов, в руке — горсть ржаных колосьев. И куда ни ступит Ярило своими босыми ногами — там тотчас вырастает густая рожь.

В мире повествуется о смене времен года, сопровождаемой стихийными силами природы.

НАРОДНЫЙ МИФ О СОЛНЦЕ

Лежала Мать-Сыра-Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения. И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Яр: «Взглянем сквозь тьму кромешную на Мать-Сыру-Землю, хороша ль, пригожа ль она?» И пламень взора светлого Яра в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшею Землею, и где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло солнце красное. И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилина света.

Мать-Сыра-Земля от сна проснулась и в юной красе раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам ее... Любы Земле Ярилины речи, возлюбила она бога светлого, и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, темными лесами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озерами... И из недр ее вылетали подне-

¹ *Былички и бывальщины* — народные предания и сказания.

бесные птицы, из вертепов¹ выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывала рыба, в воздухе затолклись мелкие насекомые, мушки да мошки. И все жило, и все любило, и все пело хвалебные песни Отцу-Яриле, Матери-Сырой-Земле. А потом Земля породила человека. И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжей — яркой молнией, и от той молнии ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными громами, потоками молний, и от тех громов, от той молнии вся живая тварь в ужасе встрепенулась: разлетелись поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял к небу разумную голову и на речь отца громовую отвечал вещим словом, речью крылатой... И услыша то слово, и узрев царя своего и владыку, все древа, все цветы и злаки перед ним преклонились.

Потом стала слабеть сила Ярилы, Мать-Сыра-Земля стала тосковать, боясь что замерзнет. Ярило утешил ее, сказав, что опять вернется, а пока для поддержания тепла на земле послал Огонь.

Так мыслили люди о смене лета зимою и о начале Огня... Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники совершались в долгие летние дни, когда Солнце, не укорачивая ход, начинает расставаться с Землею.

(Из романа «В лесах» П. И. Мельникова-Печерского.)

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о мифах древних славян?
2. Кто такой Ярило? Каким его представляли древние славяне?
3. О чем повествуется в мифе о Яриле? Каким в нем предстает мир?
4. Найдите в тексте отрывок, в котором дано описание появления человека на Земле и зарождения у него разума.

¹ *Верте́п* — пещера, укрытие (см. источник Толковый словарь).

Дела давно минувших дней,
преданья старины глубокой.

А. С. Пушкин

Устное поэтическое искусство делится на три рода: **эпос, лирику и драму**. В эпосе действительность изображается при помощи повествования о событиях и поступках героя, лирика передает внутренние переживания и чувства человека, а драма — это непосредственно сценическое действие, театр.

Каждый из родов поэтического искусства, в свою очередь, делится на виды и жанры, т. е. на художественные формы. В русском фольклоре такими жанрами являются **былины, сказки, песни, легенды, пословицы, загадки, частушки**.

Каждый жанр имел самостоятельное значение. Эпические жанры — сказки, былины и исторические песни изображали борьбу человека с природой, становление единого государства, стремление к сплоченности, объединение в борьбе против злых сил.

БЫЛИНЫ

Былины — русские народные эпические песни с героическим сюжетом. В них рассказывается о событиях далёкого прошлого. Главный герой былин — богатырь — побеждает несметные полчища врагов Русской земли или сказочное чудовище. Несмотря на то, что многое в былинах происходит чудесным образом, по волшебству, слушатели воспринимали их как действительно происходившее. Рассказывали былины странствующие певцы-сказители. Часто свои рассказы они сопровождали игрой на гуслях. Их не случайно называли певцами, потому что былины напоминают песни своей протяжностью, напевностью, торжественно-величавым тоном, медлительным и спокойным стилем. Былины имеют

и свои особенности: они начинаются с запева или зачина, где сказитель привлекает внимание слушателей, создает настроение, обращается к слушателям. Есть в былинах так называемые общие места, повторения, замедление действия и концовка или исход, в котором обычно прославляется богатырь и его победа.

Своеобразен и сюжет былин. Основой является обычно важное, значительное событие, но в центре былины — всегда богатырь. Все события и герои в былинах гиперболизованы, т.е. преувеличены.

Богатырь бьется палицей «в девяносто пуд», схватив врага за ноги, «побивает сильное войско».

Жестоким и беспощадным изображается в былинах ворвавшийся на русские земли враг. Он жжет города и села, грабит и разоряет «церкви соборные», отбирает у крестьян «добро-имущество», угоняет скот, толпами уводит в плен «добрых молодцев», забирает в наложницы «красных девушек».

Но необыкновенная сила и мощь врагов только подчеркивает смелость и отвагу богатырей, вступающих с ними в борьбу.

Главный герой былины — богатырь — был воплощением народных идеалов силы, мужества, справедливости, любви к Родине. И самыми любимыми не случайно стали Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Их судьбы тесно связаны, они чем-то похожи. Самый старший из них, самый могучий — Илья Муромец.

Илья Муромец — герой русских былин. Жизнеописание Ильи в народном творчестве начинается с получения им богатырской силы. По одним былинам, он получает силу от Святогора-богатыря, по другим — он тридцать три года бывший сиднем, получает исцеление от калек и приобретает могучую силу.

Образ Ильи Муромца — это образ идеального человека. Главные черты в образе Ильи — бескорыстие, самоотвержен-

ная любовь к народу и родине, готовность всегда встать на защиту всех бесправных и обездоленных, умение постоять за свое человеческое достоинство.

Вопросы и задания

1. О чем рассказывается в былинах?
2. Кто является героем былин?
3. Какими качествами обладают герои былин?

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню¹ во Муроме.
А к обеденке² поспеть хотел он в стольный
Киев-град.
Да и подъехал он ко славному ко городу
к Чернигову.

У того ли то города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
Ай, черным-черно, как черна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживает,
Птица черный ворон не пролетывает,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей.
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
Ай побил он эту силу всю великую,
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.

¹ *Заутреня* — церковная служба в первой половине дня.

² *Обеденка* (обедня) — церковная служба у христиан, совершаемая утром или в первой половине дня. (Источник: Википедия)

Выходили мужики да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
Ай зовут его в Чернигов воеводою¹.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да прямо в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела²,
Заколодела дорожка, замуравела³,
Ай по той дорожке прямоезжею
Да пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березки у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова⁴
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Свистит Соловей-разбойник да по-соловьёму,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли-то от посвиста соловьего,
И от его ли-то от покрика звериного,
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются.

¹ *Воевода* — начальник войск, области, округа.

² *Заколодела* — завалена колодьем, павшими деревьями; стала непроходимой.

³ *Замуравела* — заросла травой, стала незаметной.

⁴ *Леванидов крест* — место назначенных встреч богатырей и остановок во время их странствий, которое считалось священным.

Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
Ай, окольной дорожкой — цела тысяча».
Он пустил добра коня да богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холма на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног спускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной.
Да ко той ли ко березке ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову...
Засвистал-то Соловей да по-соловьёму,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонялись.
Его добрый конь да богатырский,
А он на корзни¹ да спотыкается.
А как старый-то казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьёго?
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
Ай тут старый казак да Илья Муромец,

¹ *Корзни* — корни.

Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковую натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал.
Он стрелил в того-то Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею¹,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному.
И повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да Соловьиного.

Соловей-разбойник предлагает богатырю заехать по дороге в свой дом и угостить его.

Да мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во стольный Киев-град,
А ко славному ко князю на широкий двор.
Ай Владимир-князь он вышел из Божьей церкви,
Он прошел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
«Ты скажи-ко, ты откулешный², дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству?»
Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».

¹ Косица — висок.

² Откулешный — откуда взялся.

Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»
«А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».

Князь Владимир не поверил Илье Муромцу, так как по этой дороге никто не смог бы проехать.

Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скорешенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Тут он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил-то он на свой широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьёму,
Закричи-ко, собака, по-звериному!»
Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил Владимир-князь да стольнокиевский:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ка засвистать ты Соловью да по-соловьёму,

Прикажи-ко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не хотят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да по-соловьёму,
Закричать-то не могу я по-звериному.
Ай вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина, —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьёму,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скоренько шел во столову свою горенку.
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьёму,
Закричал разбойник по-звериному, —
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремках рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
Что есть людишек, так все мертвы лежат,
А Владимир-князь стольнокиевский
Куньей шубонькой он укрывается.

Ай тут старый казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,
И он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьёму,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спускать сиротать малых детушек!»
А тут Соловью и славу поют,
Ай славу поют ему век по веку!

Вопросы и задания

1. Какое событие является главным в былине?
2. Выделите в тексте отрывки:
 - а) Битва Ильи Муромца с «силушкой великой».
 - б) Илья Муромец решил ехать «дорожкой прямоезжею».
 - в) Богатырь берет в плен Соловья-разбойника.
3. Сравните, как описаны в былине Илья Муромец и Соловей-разбойник.
4. Как характеризуют Илью Муромца эти описания?
5. Выпишите отдельные словосочетания и предложения, характерные для народного языка. Например: «Он прошел в палату белокаменну»; «Они сели... хлеба кушати да пообедати»; «Которой дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»

АЛПАМЫШ

В сокровищнице мировой культуры и духовности достойное место принадлежит узбекскому героическому эпосу «Алпамыш».

Популярность и огромная ценность дастана¹ в том, что в нем с высоким поэтическим мастерством отражены идеи

¹ *Дастан* — эпический жанр в литературах и фольклоре Ближнего и Среднего Востока. Средней и Юго-Восточной Азии, чаще всего обработка сказочных сюжетов, легенд и преданий. (источник: Литературный энциклопедический словарь. М: 1987.

справедливости и гуманизма, свободы и патриотизма, мужества и чести, торжество добра над злом.

Дастан получил широкое распространение среди тюркоязычных народов. Известны узбекские, каракалпакские, казахские версии в форме дастана, таджикские, алтайские, татарские, башкирские версии в форме преданий и сказок.

Итак, «Алпамыш» бытует в устном народном творчестве многих тюркских народов, но наиболее полным, значительным по объему, богатым по содержанию признан узбекский вариант дастана (в изложении народного сказителя Фазила Юлдаш-оглы).

У вождя племени Конграт Байбуры рождается двойня — дочь Калдыргач и сын Хаким, который еще в детстве совершает богатырские подвиги и получает имя Алпамыш. У Байсары, брата Байбуры в это же время рождается дочь Барчин. Алпамыш и Барчин в раннем возрасте по договоренности родителей были обручены. Когда детям исполняется семь лет, Байбуры и Байсары ссорятся. Обиженный Байсары уходит в калмыцкие степи.

— Родичи мои, подайте мне совет!..
Чем налог платить мне брату своему,
В унижение жить в своем родном дому,
Чем в своей стране мне привыкать к ярму, —
Лучше мне Байсун покинуть самому!..
В чужедальний край откочевать хочу —
Там в изгнание век свой доживать хочу.
Опостылел мне несправедливый мир!
За горой — гора, за ними — степь Чилбир, —
Может быть, я там найду счастливый мир.
Э, мой притеснитель, Байбуры, мой брат!
Тесен для него, как видно, стал Конграт,
Видимо, меня он вовсе выжить рад.
Лучше мне Байсун покинуть самому!..
Слышно, у калмыков степи хороши, —
Лучше буду им платить налог с души.

Может быть, аллах поможет мне и там,
А родному брату я зякет¹ не дам!
Мыслимо ли мне терпеть подобный срам?
Родичи мои, что мне таить от вас?
Свет моей звезды на родине угас!
Льются мои слезы в два ручья из глаз.
Лучше мне Байсун покинуть самому!

Барчин выросла красавицей, ее руки добиваются кроме
Алпамыша, девяносто калмыцких богатырей.

Во весь опор поскакали калмыки к тому холму, чтобы
участвовать в состязаниях на право завоевать красавицу.

На дыбы взвивая коней,
В путь они пускаются к ней,
Каждый мнит, что всех он сильней,
Что он краше всех и стройней,
Что его, мол, дело — верней!
Пляшут кони, крупом вертя.
Скачут женихи — удалцы,
Скачут они, шутки шутя,
Ус калмыцкий лихо крутя.
Сто без десяти калмыков
Едут, об одном говорят:
— Раз она согласие дает,
Пусть уже сама изберет,
Кто из нас в мужья подойдет! —
Всем им дорога Ай-Барчин:
Зубы — жемчуга у Барчин,
Ликом — полнолуныя нежней,
Станом — кипариса стройней,
А глаза газельи у ней!..
На холме веселье у ней:
С нею для забав и услуг

¹ *Зякёт* — налог.

Сорок неразлучных подруг —
Дружен их девический круг,
Сладок их привольный досуг.
Розами цветут на холме
При своей Барчин-госпоже.
Рядом с Ай-Барчин — Ай-Суксур...
Так они сидят — говорят, —
На дорогу падает взгляд.
По дороге кони пылят,
Едут калмыки к ним, — беда!
Девушки растеряны все,
Ай-Барчин — нема и слепа.
Женихов все ближе толпа, —
В девушке уверены все,
Свататься намерены все.
«Вот как смущена! — говорят. —
Значит, рада она! — говорят. —
Выбор остановит на ком?»
Каждый от нее без ума,
Каждый из батыров тайком
Видит себя в счастье таком.
А Барчин, слепа и нема,
Пред юртою сидя, молчит,
Словно их не видя, молчит...
Щуря молодечески глаз,
Статью богатырской хвалясь,
Сто без десяти женихов
Ездят перед ней напоказ,
Ездя, скалят зубы они...
Что узбечке их удальство,
Их насильное сватовство, —
Все равно ей не любы они:
Неотесаны, грубы они!
Попусту шатаются тут,
От нее решения ждут —

Сердце Барчин-ай не поймут,
Бедного сердечка Барчин!
А она, тут сидя, молчит,
Словно их не видя — молчит,
Гордая узбечка Барчин...

До полудня горделиво проезжали перед Барчин калмыцкие батыры — красовались перед нею...

Самый сильный из девяноста батыров — Кокальдаш-батыр сказал ей:

— Уж не думаешь ли ты в дураках нас оставить? Или так и будем тут разъезжать до вечерней зари?

Эти слова услышав, сказала Барчин такое слово:

— Вот что вам сказать хотят мои уста:
Силой взять меня — напрасная мечта!
Я обручена, и мне другой желан:
Милый мой в стране Байсун-Конграт — султан,
Имя — Хакимбек, прозвание — Алпамыш!
Силой взять меня — э, руки коротки!
Ехали б своей дорогой, дураки!
Вертитесь напрасно предо мною здесь.
Разве к Алпамышу не домчится весть?
Разве на коня он побоится сесть?
Светопреставленьем будет его месть —
Никому из вас голов тогда не снести!
Незачем ко мне с бахвальством дерзким лезть!
Ехали б назад, покуда кони есть!
Коль хотите знать, я в силе вам равна,
Только никому из вас я не жена!
Кружитесь вы тут, как вороны, глупцы, —
Прочь на все четыре стороны, глупцы!..

Барчин ставит условие женихам: через шесть месяцев она выйдет замуж за того, кто победит в скачках, в стрельбе из лука, из ружья и в борьбе. Между тем Барчин тайно посылает к Алпамышу гонцов с просьбой срочно приехать.

— Полная луна сиянье льет вокруг.
Лучник в бой берет свой самый лучший лук.
Чужедальний край — земля горчайших мук.
Выручить Барчин придет далекий друг...
Я желаю вам в пути не ведать бед,
Родине прошу мой передать привет,
Коккамышским водам, всем родным местам,
Нашему народу, что остался там,
И привет особый другу школьных лет!
Скажете: такой красавице, как я,
Вовсе от калмыков нет житья, —
Плачет и горюет Барчин-ай твоя!
Одиноко я меж недругов живу,
Друга нет — кого на помощь призову?
Голову теряю, мучаюсь одна.
Тяжкий гнет калмыцкий я сносить должна —
На полгода лишь отсрочка мне дана.
Участь Ай-Барчин поистине страшна!..
Дяде Байбуры доставьте эту весть:
Стать женой калмыку мне угроза есть, —
Не хочу в плену безвременно отцвесть!
Плачет мать моя — ей утешенья нет,
У отца в очах померк от горя свет,
Да простятся мне ошибки юных лет!..
Мчитесь же, мои послы, в родной Конграт,
Выручить меня народ мой будет рад, —
Там друзья мои, сестра моя и брат.
Поспешите же, гонцы, в Конграт родной,
Чтобы сбылось все задуманное мной!..

Алпамыш отправляется в поход.

Шлем его булатный гудит;
Куполоподобный гремит
Кожи носороговой щит;
Медный наконечник ножен
Звякает о стремя, звенит.

Вздрагивает конь и фырчит,
Лётом соколиным летит.
Гневом и любовью влеком,
Скачет Алпамыш прямиком...
Хакимбек отважен и строг:
Горе — не поспеть ему в срок!
У него отвага в очах,
У него ружье на плечах!
Ясные глаза исслеся,
Помощи у неба прося,
Скачет Хакимбек день и ночь,
Недругам далеким грозя.
Дня ему просрочить нельзя!
Жжет разлуки боль седока.
Разум тем, что видел, смущен.
Скачет Алпамыш, возбужден,
Сам с собой в пути говорит,
Словно как в бреду говорит.
— В ту страну приду, — говорит, —

Милую найду, — говорит, —
Я ль не отведу, — говорит, —
От нее беду? — говорит. —
Доблесть я свою — говорит, —
Докажу в бою, — говорит, —
И в родном краю, — говорит, —
Сам я буду шах! — говорит.
Вот что он в мечтах говорит!..

Он прибывает в калмыцкие степи. Барчин и от Алпамыша требует участия во всех состязаниях.

Алпамышу-беку подошел черед.
Боевой свой лук спокойно он берет.
Этот лук его не деревянным был —
Бронзовым, в четырнадцать батманов был!
На чеканный лук рука его легла,
Бросил на мишень он зоркий глаз орла,
Вынул он стрелу, а та стрела была
Длинной, что копье, и острой, как игла!
Калмыки все смотрят на его дела —
Зависть глубоко их души обожгла:
Где такая сила взяться в нем могла?!
Тянет Алпамыш тугую тетиву —
Вытянет ли он такую тетиву?
Вытянул! Летит точеная стрела,
Попадает в цель — хвала ему, хвала
Беку Алпамышу за его дела!
И не сломан лук, и тетива цела,
И калмыкам плакать хочется со зла:
И стрельба из луков счастья не дала!..
Третье нужно им условие выполнять —
Нужно им из ружей по теньге¹ стрелять,
Пулею попасть — был уговор таков —
В малую теньгу за тысячу шагов!
Ой, недаром шум, смятение у врагов!

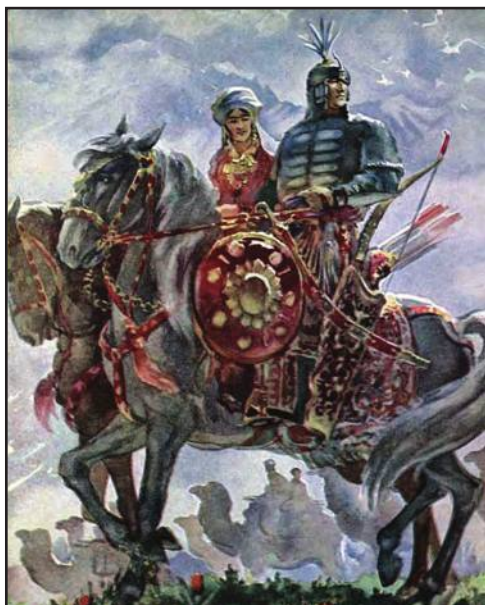
¹ Теньга́ — монета.

Будет ли теперь удача для стрелков?
Боевым своим играючи ружьем,
Алпамыш-батыр сказал: «Давай начнем!»
С ружьями калмыки стали выступать,
По теньге-мишени пулями стрелять.
Но шагов на сто иль на сто двадцать пять
Только и могли их пули доставать.
Сердце Алпамыш обрадовал в тот час:
Он берет ружье и боевой припас,
Целится в теньгу, сощулив левый глаз,
Целится — и пульей бьет в теньгу, как раз
В малую теньгу на тысячу шагов,
Доказав бессилье всех своих врагов!
Первенства не взяв ни в скачке, ни в стрельбе,
Все калмыки шлют проклятия судьбе.
Будет ли теперь удача им в борьбе?
Иль узбек узбечку увезет к себе?
Страстью соколиной Алпамыш кипит,
Ярым гневом львиным Алпамыш горит,
Силою тигриной Алпамыш налит:
Он калмыка жмет — калмык едва стоит,
Он калмыка гнет — хребет его трещит;
От земли его он отрывает вдруг,
В небо высоко его швыряет вдруг!
Видя это чудо, весь народ шумит.
Головы закинув, в небеса глядит,
Как батыр огромный с неба вниз летит —
Альчиком игральным кажется на вид.
В землю головой зарылся наш батыр —
И погиб злосчастный Кокальдаш-батыр...
Счастлив Алпамыш, горда Барчин-айм.
У калмыков горе — плачут млад и стар:
Слишком им тяжелый нанесен удар.
Цвет батырства их в тот черный день зачах!
У калмычек скольких слезы на глазах!

Удручен судьбой, ушел калмыцкий шах,
А за ним и весь народ его в слезах...

Алпамыш побеждает всех соперников и женится на Барчин. После свадебного пира Алпамыш увозит молодую жену в Конграт, а отец Барчин, Байсары, остается у калмыков.

А дорога вся людьми запружена,
Вся Конграт-страна сюда устремлена, —
Для подобных толп и ширь степей тесна!
Братья возвратились из чужой страны!
Были столько лет они разлучены!
Радостью горят конгратские сердца,
Также и байсунцев братские сердца!
Ликованье с той и с этой стороны,
Взоры к Алпамышу все обращены.
«Слався, победитель!» — крики там слышны,
«Наш объединитель!» — крики там слышны.
Рядом с Алпамышем, прелести полна,
Едет Ай-Барчин, сияя, как луна.
Люди красотой Барчин восхищены.

Мощью Караджана¹ все потрясены.
Задние к передним зависти полны,
Лезут — кто на крыши, кто на карагач.
Едут, едут гости! Ты на них смотри!
Месяца светлей и утренней зари,
Видит Барчин-ай поместье Байбуры.
Алпамыш-батыр и Караджан — смотри! —
Спешились — и слугам отдают коней.
С двух таких друзей и ты пример бери!
Дорогого сына, Хакимбека-льва,
Видит Байбуры — теряется сперва,
Еле говорит и путает слова,
На ногах от счастья держится едва.
Алпамыша так вот к сердцу он прижал:
— Хакимджан, сынок мой, как ты возмужал!
Если жив-здоров ты предо мной стоишь, —
Не о чем мечтать мне, сын мой Алпамыш,
Сбылись все желанья твоего отца! —
Смахивая слезы радости с лица,
Он и Караджана обнял молодца:
— Вот каков ты есть, оказывается,
Моего сынка товарищ боевой!
Жаль, что не был раньше я знаком с тобой!..
Тут, своим гордясь возлюбленным сынком,
Бросилась к Хакиму и старуха мать,
Стала дорогого сына обнимать.
Также Караджана обняла она,
И благословенье им дала она...
Приближенными, друзьями окружен,
Во дворец отцовский Алпамыш введен —
Он посажен здесь на золоченый трон.
Вслед за ним Барчин туда приведена —
С девушками в ряд становится она,

¹ *Караджан* — друг Алпамыша.

С дальнего пути утомлена, бледна,
Лишь вошла — народу отдала поклон.
Каждая улыбка прелести полна!
Как она учтива, как она скромна —
Видно, что умна, благовоспитана,
Красотою — гурий¹ всех затмит она!..
Все они поют, резвятся у костра, —
Шумный праздник встречи длится до утра,
Ласкова она со всеми, как сестра.
Много там красавиц, но она сама
Красотой своей сводит их с ума.
Гости к Байбуры со всех сторон идут —
С возвращением сына поздравлять идут;
Так в Конграт вернулся Алпамыш-батыр,
Подвиги свершив, каких не видел мир:
Он богатырей калмыцких посрамил,
Шахские войска один он разгромил,
Братских два народа вновь объединил, —
И расцвел при нем, как райский сад земной,
Весь Байсун-Конгратский край его родной!

Во второй части повествуется о том, что калмыки притесняют Байсары. Узнав об этом, Алпамыш спешит выручить дядю, но попадает к калмыкам в плен и семь лет проводит в темнице, откуда ему удастся бежать. В Конграте главой племени становится сводный брат Алпамыша, он принуждает Барчин стать его женой. В разгар свадебного пира появляется Алпамыш, убивает соперника и освобождает народ от его гнета.

Дастан заканчивается возвращением на родину старого Байсары и объединением под властью Алпамыша племени Конграт.

Ай-Барчин на дорогу вышла — увидела издали родителей своих и такие сказала слова:

¹ *Гурии* — в восточной мифологии прекрасные девы.

— Боли сердца мне ужель теперь не знать?
Явь иль сон я вижу, — не могу понять!
В правду ль предо мной моя родная мать?!
Не родной ли мой отец передо мной?! —
Распахнув объятия, к ним бежит Барчин,
Слезы счастья из очей струит Барчин.
Дочь свою увидев, ослабел старик,
Шевельнуть не мог суставами в тот миг —
Грузом радости раздавлен был в тот миг.
Дочь свою увидев, слез не удержал,
К старческой груди дитя свое прижал.
Далеко-далёко край врагов теперь!
Как бы ни был тот далекий путь тяжёл,
Старый Байсары на родину пришел!
Дочь свою в объятия принимает мать, —
Радость этой встречи надо понимать!
Так-то возвратился после всех невзгод
В ту страну родную, в свой родной народ
Алпамыш-батыр, могучий сокол тот.
Так, семь лет пробыв во вражеском плену,
Милую свою увидел он страну,
Так вернул себе любимую жену,
Так объединил байсун-конгратский мир!..
Эти все дела случились в старину,
Их свершил тот сокол, Алпамыш-батыр,
О котором слава облетала мир.
Свой дастан о нем поет Фазил-шаир.
Если, воспевая Алпамыша тут,
Крики одобренья часто слышу тут,
Лучшие слова на память мне придут.
Я — Фазил, простой дехканин и певец,
Как умел, так пел — песне тут конец!

О дастане «Алпамыш»

Главный герой дастана — Алпамыш — богатырь степных просторов, надежда и опора племени Конграт, олицетворение силы своего народа. В древние времена человек, обладавший могучей силой борца, ценился высоко. В борьбе с иноземными врагами и свирепостью природы решающую роль играла физическая сила. Именно поэтому в героических песнях, сказках, в произведениях эпоса каждый народ создавал образ богатыря, который мог в одиночку вступить в битву с несметными полчищами врагов, с могучими и грозными чудовищами и выйти победителем.

Не случайно в дастане особое внимание уделяется изображению колоссальной физической мощи и богатырской хватки Алпамыша. В 7 лет он, натянув тетиву лука весом в 14 батманов¹, сбил вершину у горы. За это он получил прозвище «алп» (богатырь). В борьбе с иноплеменными богатырями Алпамыш превосходит их не только в силе, ловкости, но и в уме. Алпамыш точно знает, за что и с кем он борется. Это герой с ясным умом и благородной душой. Он легко отличает правого от виноватого, угнетаемого от тирана. Без крайней необходимости он не применяет свои силы. Прежде всего он стремится решить дело мирным путем.

Чрезвычайно важен в дастане также образ Барчин, который считается одним из самых совершенных женских образов узбекского фольклора. Любовь к родине и семье, уважение к народу, отвага и самостоятельность составляют сущность ее характера. В образе Барчин воплощены традиционные для эпоса представления о девушке-богатыре. Ее мужество, отвага, смелость, вера в собственные силы проявляются в эпизодах, когда калмыцкие богатыри хотят насильно увести ее из родного дома. Она не только отважна, но и горда. От богатырей, претендующих на ее

¹ Батман — старая мера веса, равная 5,74 кг.

руку, также требует достойного ее мужества и воинского искусства. Об этом свидетельствуют условия, поставленные героиней перед Алпамышем и девяноста богатырями (натянуть лук, попасть стрелой в цель, одержать победу в скачках и в борьбе).

Тема дружбы и побратимства героев, широко распространенная в произведениях мирового эпоса, занимает немалое место и в узбекском дастане.

Традиционны и такие сюжетные линии, как странствия героя и преодоление всех препятствий, встречающихся на пути, сцены битв и состязаний, освобождение возлюбленной и счастливый «пир на весь мир».

В 1999 году в Узбекистане широко отмечалось 1000-летие бесценного памятника художественного наследия наших предков «Алпамыша». Эта книга о единстве народа, о гуманизме и справедливости, любви и преданности, призывает защищать свою родину, свой дом, свою семью от посягательств врагов.

«Дастан «Алпамыш» — повествование о свободолюбивых, гордых и прекрасных людях, это гимн в их честь, это эпос, нашедший путь к сердцу народа», — писал Х. Алимджан. «Алпамыш» — произведение, отобразившее сложный, многотрудный и героический период в истории народа.

Вопросы и задания

1. Какие сцены (или описания) в дастане вам запомнились?
2. Охарактеризуйте образ Алпамыша. Что общего в изображении богатырей в русских былинах (например, Ильи Муромца) и в дастане «Алпамыш»?
3. Чем привлекает вас образ Барчин? Выпишите из текста строки, подчеркивающие красоту, отвагу, ум, преданность девушки.
4. Назовите героические эпосы других народов, которые вам известны.

Древнерусская литература

Начало русской литературы относится к XI веку, к тому периоду русской истории, который принято называть Киевским. Правил в те времена Киевской Русью великий князь Ярослав Мудрый. И Мудрым он назван не случайно — обра-

зованный и справедливый князь собирал вокруг себя книгописцев, которые переводили на русский язык греческие, болгарские, латинские книги. В это же время начали создаваться и первые **летописи** — описания событий по годам, систематически.

Как правило, летописи велись в монастырях и имели, в отличие от сказаний, автора-летописца, который в одном лице представлял и историка, и писателя, и географа, и политика, и дипломата. Благодаря бесценному материалу, который содержится в летописях, мы узнаем подробности о жизни славянских племен с незапамятных времен.

Первый памятник русского летописания, дошедший до нас, — **«Повесть временных лет»**, созданная ученым-монахом Нестором в 1113 году. В «Повести» летописец описывает события своего времени и прошлых лет в характерном былинном стиле, поэтому «Повесть» — это

В.М. Васнецов
«Нестор-летописец».

не только первая история Руси, но и художественное произведение. Известный исследователь древнерусской литературы академик Д.С. Лихачев назвал повесть «цельной, литературно изложенной историей Руси».

Нестор повествует о войнах, походах, князьях, о крещении Руси, прославляет защитников земли русской и осуждает тех князей, которые воюют со своими братьями. Автор славит князя Владимира, который ввел на Руси христианство и приобщил страну к мировой культуре, князя Ярослава Мудрого, много сделавшего для просвещения Руси. Описаны в летописи и простые люди, храбростью, силой или хитростью победившие врагов.

Долгие годы в своей тихой келье при тусклом свете лампы трудился Нестор над летописью. Лежат на столе древние книги — огромные, в толстых кожаных переплетах с медными застежками. Они написаны от руки (печатать еще не умели) на листах из тонко выделанной телячьей кожи (бумаги тоже еще не знали). Скрипит гусиное перо в руке летописца, выводя заглавие книги: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал первее княжити, и откуда Русская земля стала есть»¹. И оживают под пером летописца события и люди далеких лет.

СКАЗАНИЕ О КОЖЕМЯКЕ

(отрывок из «Повести временных лет»)

В лето² 992. Князь Владимир только возвратился с войны, как напали на Русь печенеги³. Выступил Владимир против них и встретил их на берегу реки Трубеж у брода. И стоял

¹ В наше время это звучит так: «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве начал первым княжить и как возникла Русская земля».

² «В лето...», т.е. «в год...».

³ *Печенеги* — древняя народность, кочевавшая в IX—XI веках в южно-русских степях.

Владимир на этой стороне, а печенеги — на той, и не решались ни наши перейти на ту сторону, ни те — на эту.

И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего воина, а я — своего, пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года, если же наш муж бросит твоего на землю, то будем разорять вас три года».

И разошлись. Владимир, вернувшись в свой стан, послал глашатаев со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» Но никого не нашлось.

На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая гонцов по всему войску своему. И пришел к князю один старый муж и сказал ему:

— Князь! Есть у меня один сын меньший дома. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками.

Услышав об этом, князь обрадовался и послал за ним. И привели его к князю, и поведал ему князь все. Юноша сказал:

— Князь! Не знаю, могу ли я с ним бороться — испытай меня. Нет ли большого и сильного быка?

И нашли быка большого и сильного. И повелел он разъярить его. Прижгли быка каленым железом и пустили, и побежал бык мимо него, и хватил он быка рукою за бок, и вырвал кожу с мясом, сколько рука захватила. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться».

На следующее утро пришли печенеги и стали звать: «Где же муж? Вот наш готов!» Был печенег очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста.

И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга. И удавил юноша печенежина руками до смерти.

И бросил его оземь. Раздался крик, и печенеги побежали, а русские погнались за ними и прогнали их.

Владимир же рад был, и заложил город у брода того, и назвал его Переяславль, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победой и со славой великой.

В этот исторический период на Руси создавались произведения и других жанров. Произведения, посвященные жизни святых, назывались **жития**; произведения, посвященные воинам, их подвигам, получили название **воинских повестей**. Были еще интереснейшие описания путешествий и паломничеств (путешествий в святые места), которые давали сведения о далеких странах, народах, их населявших, их нравах и обычаях (наиболее известно «Хождение за три моря Афанасия Никитина»). Высокий уровень развития русской литературы и культуры XI века подготовил почву для создания в XII веке замечательного памятника литературы «Слова о полку Игореве». В дальнейшем же многие русские писатели и поэты обращались к древним книгам, черпали в них сюжеты для своих произведений.

Так, в «Повести временных лет» Нестор описывает период княжения в Киеве князя Олега. Олег пошел походом в Византию в Царьград за данью. Но греки закрыли пролив в море, и корабли Олега не смогли подойти к городу. Тогда князь повелел своей дружине сойти на берег, сделать огромные колеса и поставить на них корабли. Исполнили воины приказ князя, сделали колеса и поставили на них корабли, и с попутным ветром на всех парусах пошли они к городу. Греки, увидев такое чудо, испугались и просили Олега остановить битву. Олег начал переговоры о мире. Греки согласились платить Олегу дань. В знак победы Олег повесил свой щит на воротах Царьграда и вернулся в Киев. Жил Олег в Киеве, правил в мире и согласии со всеми странами. Как-то осенью вспомнил он своего коня, которого когда-то поставил кормить, решив на него никогда не садиться, потому что гадатели предсказали ему: «...От коня твоего любимого, на котором ты едешь, от него и умереть!» Много времени прошло с тех пор, конь давно умер, пришел Олег

взглянуть на его кости, посмеялся: «Не право говорят волхвы¹, но все то ложь: конь умер, а я жив». Увидев кости коня и его череп, сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от этого разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица: есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три».

Этот сюжет использовал А. С. Пушкин при создании стихотворения «Песнь о вещем² Олеге».

Вопросы и задания

1. Когда и кем был создан первый памятник литературы на Руси? Как он назывался?
2. Какие события описаны в «Повести временных лет»?
3. О чем повествуется в «Сказании о Кожемяке»?
4. Для чего нужно знать литературу прошлых лет? Интересны ли летописные сказания современному читателю? Если интересны, то чем?

¹ *Волхвы* — предсказатели судеб.

² *Вещий* — предвидящий будущее.

Литература XIX века

Александр
Сергеевич
Пушкин
(1799–1837)

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...*

А. С. Пушкин

6 июня 1799 года в Москве, у небогатого дворянина Сергея Львовича Пушкина родился сын, которому суждено было стать солнцем русской поэзии, славой и гордостью русской литературы.

Детство Александра Сергеевича Пушкина прошло в Москве и подмосковной деревне Захарово. В деревне мальчик любовался русской природой, видел тенистые рощи, луга, превращавшиеся весной в огромный радужный ковер, слушал трогательные за сердце мелодичные песни, в которых народ поэтически выражал свои радости, печали и мечты. Эти впечатления становились для Пушкина родными, обогащали его могучее поэтическое дарование.

По словам младшего брата, Пушкин, еще будучи мальчиком, проводил бессонные ночи, тайком забираясь в кабинет отца и без разбора «пожирая» все книги, попадавшиеся ему под руку.

Отец Пушкина рассказывал, что Александр уже на одиннадцатом году был хорошо знаком с французской литерату-

рой. Своей начитанностью мальчик впоследствии поражал товарищей.

Эту большую любовь к книге Пушкин сохранил до конца своих дней. Позднее, находясь в изгнании, поэт часто обращался к друзьям с просьбой прислать ему ту или иную книгу. Почти с каждой почтой получал он книжные посылки. Его библиотека в Михайловском была очень обширна и, как писал его биограф, «росла по часам».

К книге поэт относился очень бережно. Возвращаясь из длительной поездки в Оренбург, Пушкин писал жене: «Книги, взятые в дорогу, перебились и поистерлись в сундуке. От этого я так сердит».

Осенью 1811 года открылся Царскосельский лицей, которому предстояло сыграть огромную роль в жизни и формировании общественных взглядов Пушкина.

В 1817 году Пушкин окончил лицей. В эти годы он был уже известен читателям. Знаменитые писатели — Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин — по достоинству оценили талант юного автора.

После окончания лицея Пушкин поселился в Петербурге. Столичная жизнь с ее театрами, балами, литературными кружками захватила поэта. Он встречается с молодыми офицерами, ведет разговоры о судьбах родины и народа, о необходимости перемен в общественном устройстве России. Вольнолюбивые стихи Пушкина, насмешливые эпиграммы на царя и его приближенных расходились по всему Петербургу.

И за это поэта сослали в Кишинев (1820 год). Но и здесь он оказался в центре политической жизни, встречался с деятелями южной группы декабристов. Затем Пушкин был переведен в Одессу, а в 1824 году по распоряжению царя поэта выслали в село Михайловское — в имение родителей.

В Михайловском, после шума и сутолоки Кишинева и Одессы, поэт оказался в уединении, много, с большим вдохновением работал. «Знаешь ли мои занятия? — писал он брату. — До обеда пишу записки, обедаю поздно.., вечером

слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания!»

Как бы ни были тяжелы обстоятельства жизни, Пушкин никогда не терял надежды на лучшее. Неизменный заряд бодрости он получал от природы. Михайловские рощи, поля Болдина, парк Павловского не только несли утешение от тревог и горя, но и рождали творческие силы. Самые обыкновенные картины превращались под пером поэта в прекрасные образы.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой¹ взоры,
Навстречу северной Авроры²
Звездою севера явись!
Вечор³, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела, —
А нынче... погляди в окно:
Под голубыми небесами,
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском

¹ *Нега* — полное довольство, блаженство, приятное состояние.

² *Аврора* — в римской мифологии: богиня утренней зари, приносящая людям дневной свет.

³ *Вечор* — вчера вечером.

Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь, не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня,
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Вопросы и задания

1. В стихотворении сопоставляется описание вечера и следующего за ним морозного утра. Для чего поэт противопоставил их? Как изменения в природе отразились на настроении лирического героя?

2. Обратите внимание на некоторые поэтические образы, например: «друг прелестный», «комната янтарным блеском озарена». Замените слова **прелестный** и **озарена** синонимами. Что произошло с образом?

3. Найдите в стихотворении сравнения. Как этот прием помогает выразить чувство и настроение поэта? (К примеру, описание луны и снега).

4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник¹,

¹ Кудесник — предсказатель.

Покорный Перуну¹ старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век,
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.
Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны, и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

У синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренно стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,

¹ Перун — божество.

И холод, и сеча¹ ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся; однако чело²
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твоё позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня,
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все также ль легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

¹ *Сеча* — битва, сражение.

² *Чело* — лоб.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть¹ бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль².
Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь,
И жаркою кровью мой прах напоишь.
Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента вокруг ног обвилась;
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

¹ Презреть — оставить без внимания.

² Ковыль — степная трава.

Вопросы и задания

1. Что в стихотворении «Песнь о вещем Олеге» произвело на вас наибольшее впечатление? Что заставило задуматься?
2. Каким вы представляете себе князя Олега?
3. Как вы можете объяснить обилие устаревших слов в стихотворении?
4. Какие из слов, приведенных в сносках, вам известны, а с какими вы встретились впервые?
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения по ролям.
6. Пользуясь Интернетом, составьте сценарий «фильма», включив кадры: «Встреча князя Олега с кудесником», «Прощание с конем», «Предсказание сбылось».

ДУБРОВСКИЙ

(В сокращении)

Том первый

ГЛАВА I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия¹ как надлежащую дань, дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. <...> С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно; несмотря на то, они были ему преданны: они тщеславились² богатством и славою своего господина и, в свою очередь, позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

¹ *Подобострастие* — угодливость, льстивость.

² *Тщеславились* — кичились, хвалились.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик¹ гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф, приехал в свое поместье; они свиделись и обрадовались друг другу. <...> Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах, и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребенку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки».

<...>

¹ *Поручик* — офицерский чин.

В начале осени Кирила Петрович собирался в отъезжее поле¹. Накануне был отдан приказ псарям² и стремянным³ быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. <...> Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. «Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?» «Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная, вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на свое житье, — сказал он, — благодаря бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. — Ему было б и сытнее и теплее». Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестись и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского,

¹ *Отъезжий* — отдаленный от усадьбы. Отъезжее поле (дальнее поле для охоты).

² *Псарь* — надсмотрщик за охотничьими собаками.

³ *Стремянный* — конюх-слуга, ухаживающий за верховой лошастью.

хватился о нем. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый.

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псая Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопьев не намерен, да и от Вас их не стерплю — потому что не шут, а старинный дворянин. — За сим остаюсь покорным ко услугам.

Андрей Дубровский».

По нынешним понятиям об этике письмо сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирила Петровича не странным слогом и расположением, но только своею сущностью: «Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! — да что он в самом деле задумал; да знает ли он с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!» Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое свое владение; приближаясь к березовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у

него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сем происшествии в тот же день дошел до Кири-ла Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистеневку (так называлась деревня его соседа), разорить ее дотла и осадить самого помещика в его усадьбе.

<...> Троекуров пригласил к себе судебного заседателя Шабашкина и поручил ему «завести дело» о незаконном владении Дубровским своим имением.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчет его владения сельцом Кистеневкою.

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.

Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к земскому судье для выслушания решения одного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

ГЛАВА II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него, и на другой день утром явился в присутствие¹ уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресла из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях, — Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке, — настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда.

<...> Генерал-аншефу Троекурову в изъявленном на гвардии поручика Дубровского иске отказать, ибо принадлежащее ему имение возвращается в его владение, не изъемя из оно́го ничего. А что при вводе за него оказаться может все без остатка, предоставя между тем генерал-аншефу Троекурову, буде он имеет от таковой своей претензии какие-либо ясные и законные доказательства, может просить где следует особо. — Каковое решение наперед объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком², коих и вызвать в сей суд для выслушания сего решения и подписки удовольствия или неудовольствия через полицию.

Каковое решение подписали все присутствующие того суда.

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под решением суда совершенное свое удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднес ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

¹ *Присутствие* — здесь: помещение.

² *Апелляционный порядок* — правила подачи прошения о пересмотре дела.

Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь божью! прочь, хамово племя!» Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псари вводят собак в божью церковь! собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

ГЛАВА III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского все еще было плохо; правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребенком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и кроме ее не имел ни с кем отношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе¹ и выпущен был корнетом² в гвардию; отец не щадил ничего

¹ *Кадетский корпус* — закрытое военное училище для детей дворян.

² *Корнет* — младший офицерский чин.

для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей, Гриша, его камердинер¹, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочел следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровья папенькином! Он очень плох, иногда заговаривается и весь день сидит как дитя глупое, а в животе² и смерти бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начало Кирилу Петровичу Троекурову, потому что мы-дескать ихние, а мы искони ваши, — и отроду того не слыхивали. — Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. — Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырева».

Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезен в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романтически³ был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться ее тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а

¹ *Камердинер* — домашний слуга.

² *Живот (устар.)* — жизнь.

³ *Романтически* — необыкновенно сильно и нежно.

положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске, — закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уж на большой дороге.

От станции до деревни Кистеневка Владимира вез старый кучер Антон, который рассказал о том, что Троекуров незаконно отнимает у Дубровских их имение.

Через десять минут въехал Владимир на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, обращен был в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изоб и окружила молодого барина с шумными изъяснениями радости. Насилу мог он продраться сквозь их усердную толпу и взбежал на ветхое крыльцо; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника. «Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего. Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддерживал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражен был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом.

ГЛАВА IV

Где стол был яств¹, там гроб стоит.

Несколько дней спустя, после своего приезда, молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения; у Андрея Гавриловича не было поверенного². Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное; из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердце. <...> Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Он решился помириться со старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

¹ *Яство* — кушанье, угощение.

² *Поверенный* — адвокат.

В это время больной сидел в спальней у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. <...> Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» — кричал Владимир. — «Кирила Петрович спрашивает вас», — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошел! — Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». — «Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем». — Егоровна вышла.

Дворня с шумом толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенес его Владимир; права рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уж и признака жизни в сем теле, еще не охладелом, но уже обезображенном кончиною.

ГЛАВА V

<...> После похорон отца Владимир, полный горестных раздумий, пошел бродить по лесу.

Между тем Владимир углублялся в чащу деревьев, движением и усталостию стараясь заглушать душевную скорбь. Он шел не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и цара-

пали его, нога его поминутно вязла в болоте, — он ничего не замечал. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья. Наконец заметил он, что начало смеркаться; он встал и пошел искать дороги домой, но еще долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сюртуках, казалось, о чем-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие, и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина. «Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, государь, с судом мы управимся. Умрем, а не выдадим». — Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его. «Стойте смирно — сказал он им, — а я с приказными¹ переговорю». — «Переговори, батюшка, — закричали ему из толпы, — да усовести окаянных».

Владимир подошел к чиновникам. Он кипел от негодования. «Позвольте узнать, что это значит», — спросил он с притворным холоднокровием у веселого исправника. — «А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы

¹ Приказный — мелкий служащий канцелярии.

приехали вводить в владение сего Кирила Петровича Троекурова и просить иных прочих убираться подобру-поздорову». — «Но вы могли бы, кажется, отнестися ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение от власти...» — «А ты кто такой, — сказал Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андрей Гаврилов, сын Дубровский, волею божиею помре, — мы вас не знаем, да и знать не хотим».

— Владимир Андреевич наш молодой барин, — сказал голос из толпы.

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? Но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать. «Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их!» — и вся толпа двинулась. Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собою дверь.

— «Ребята, вязать», — закричал тот же голос, — и толпа стала напирать... «Стойте, — крикнул Дубровский. — Дураки! что вы это? вы губите и себя, и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать».

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошелся, двор опустел. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление.

ГЛАВА VI

«Итак, все кончено, — сказал он сам себе; — еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смер-

ти и моей нищеты. И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил ее облокоченную на перила, в белом утреннем платье с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предметом насмешек и замечаний его псарей, а в ее спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик или поместится его гарем. Нет! нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня».

<...> Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный дух рома слышался по всей комнате. Владимир с отвращением прошел мимо их в переднюю. — Двери были заперты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу, — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца. Архип держал в руках топор. Видимо, он хотел расправиться с чиновниками.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною».

Дубровский пошел далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши. «Зачем вы не спите?» — спросил он их. «До сна ли нам, — отвечал Антон. — До чего мы дожили, кто бы подумал...»

— Тише! — прервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме, в своей светелке, — отвечал Гриша.

— Поди, приведи ее сюда, да выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нем не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли никого в доме?

— Никого, кроме подъячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский. Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню! — Архип открыл фонарь, Дубровский зажег лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, промолвя вполголоса: как не так, отопри! и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

После пожара в Кистеневке Дубровский и преданные ему люди исчезли. В то же время распространились слухи о появлении разбойников.

ГЛАВА VIII

Читатель, вероятно, уже догадался, что дочь Кирила Петровича, о которой сказали мы еще только несколько слов, есть героиня нашей повести. В эпоху, нами описываемую, ей было 17 лет и красота ее была в полном цвете. Отец любил ее до безумия, но обходился с нею со свойственным ему своенравием, то стараясь угождать малейшим ее прихотям, то пугая ее суровым, а иногда и жестоким обращением. Она привыкла скрывать от него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать наверно, каким образом будут они приняты. Она не имела подруг и выросла в уединении. Редко наша красавица являлась посреди гостей, пирующих у Кирила Петровича. Огромная библиотека, составленная большею частию из сочинений французских писателей XVIII века, была отдана в ее распоряжение. <...> Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саш¹ францу-

¹ Саша — сын Троекурова.

за-учителя, который и прибыл в Покровское во время про-
исшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кирилу Петровичу своей при-
ятной наружностью и простым обращением. Он представил
Кирилу Петровичу свои аттестаты и письмо от одного из
родственников Троекурова, у которого четыре года жил он
гувернером. Кирила Петрович все это пересмотрел и был
недоволен одною молодостью своего француза — не потому,
что полагал бы сей любезный недостаток несовместным с тер-
пением и опытностью, столь нужными в несчастном звании
учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и
решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе
Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она
служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что так и
быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими
девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего
сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему

по-французски, что отец ее надеется на его скромность и порядочное поведение.

Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, перевести это ему.

Марья Кириловна смягчила в своем переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель, где назначена была ему комната. <...>

На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. <...> Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в нее гостей и пускали их скакать на волю божью. Но лучшею шуткою почиталась у Кирила Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут бывало в пустой комнате, привязав его веревкою за кольцо, ввинченное в стену. Веревка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенного новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынною. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принужден был иногда целых три часа стоять прижавшись к стене и видеть, как разъяренный зверь в двух

шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя, Троекуров вспомнил о нем и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повел он его с собою темными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в нее француза и запирают ее на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошел на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приближался, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки. Он послал за Машей, Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе,— отвечал Дефорж,— но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! не струсил, ей-богу не струсил». С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвел еще большее впечатление на Марию Кириловну. Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию¹, и с тех пор стала оказывать молодому

¹ Сословие — здесь: дворяне.

учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее. Между ними основались некоторые отношения. Маша имела прекрасный голос и большие музыкальные способности; Дефорж вызвался давать ей уроки. После того читателю уже не трудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама еще в том себе не признаваясь.

Вопросы и задания к 1-ому тому повести «Дубровский»

I. Ваши первые впечатления

1. Что вас заинтересовало в первом томе повести? Захотелось ли узнать, как будут развиваться события дальше?
2. Кто из героев вам запомнился? В каких сценах (эпизодах) наиболее ярко проявился характер этого героя?

II. Разберемся в прочитанном

1. Что вы узнали о Кириле Троекурове и Андрее Гавриловиче Дубровском? На чем была основана их дружба?
2. Сравните, как вели себя Троекуров и Дубровский на псарне. Почему никто из присутствующих не посмел откровенно выразить свое мнение и свои чувства?
3. Как развивались события после ссоры на псарне? Сравните поведение двух помещиков в этой ситуации. Какие черты характера особенно выделяет автор в Троекурове и Дубровском?
4. Что вы узнали о жизни молодого Дубровского в Петербурге? Как вел себя и что пережил Владимир Дубровский в Кистеневке? (Перечитайте эпизоды: приезд в родное имение; разбор бумаг; похороны отца; столкновение с приказными).
5. Расскажите о пожаре в Кистеневке.
6. Составьте описание Владимира Дубровского, используйте авторские характеристики его голоса, движений, манеры поведения.

III. Будьте внимательны к художественному слову

В 1-ой части повести мы встречаем много авторских описаний. Например: образ жизни и привычки Троекурова; «забавы и проказы», коими тешил себя и гостей старинный русский барин; состояние больного Дубровского; размышления Владимира после

смерти отца и др. Как по этим описаниям можно судить об отношении автора к своим героям; проявляются ли сочувствие или неприязнь писателя к ним в языке авторских описаний? Подтвердите выводы примерами.

Том второй

На одном из праздников, в доме Кирила Петровича собралось много гостей. Разговор зашел о разбойниках, предводителем которых все называли Владимира Дубровского. В полиции составили словесный портрет Дубровского.

В X главе повествуется о том, как Дубровский встретился на станции с настоящим учителем французского языка, которого в доме Троекуровых никто не знает, а едет он туда с рекомендательным письмом. Дубровский уговорил француза отдать ему свои документы в обмен на десять тысяч рублей. Он просил француза вернуться в Париж и никому не говорить об их договоре.

ГЛАВА XI

<...> Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать¹ и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следовал за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя — Кирила Петрович за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по-видимому несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом оногo.

¹ Повесничать — бездельничать.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Во все это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло стать и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника.

Случилось так, что Спицын заночевал у Троекурова в одной комнате с Дубровским. Дубровский, помня о том, какую роль сыграл чиновник в незаконной передаче отцовского имения Троекурову, решил отомстить ему, ограбив Антона Пафнутьича — отняв сумку с большими деньгами — и при этом открыв свое настоящее имя.

Ночуя в одной комнате с человеком, которого он считал личным врагом и одним из главных виновников его бедствия, Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки и решился ею завладеть.

В девять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиную, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, а Кирила Петрович в байковом сюртуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и казался так расстроен, что вид его всех поразил и что Кирила Петрович осведомился о его здоровье. Спицын отвечал без всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел, как ни в чем не бывало. Через несколько минут слуга вошел и объявил Спицыну, что коляска его готова; Антон Пафнутьич спешил откланяться и несмотря на увещания хозяина вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал.

ГЛАВА XII

<...> Однажды, пришед в залу, где ожидал ее учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкой записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла ее и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в 7 часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство ее было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чем она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить ее руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли неодобрением, с увещаниями ли дружбы, с веселыми шутками, или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал он ей тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если б вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленною фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец, — вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Все кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. <...> Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья. Их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали... Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рожден был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался легкий свист, и Дубровский умолк. Он схватил ее руку и прижал к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня. — Он отошел, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял ее руку. — Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастье вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего — для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа, обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из сада.

— Где ты была, Маша, — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты m-r Дефоржа? — Маша насилу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутычу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застрашал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Вранье, — решил Кирила Петрович, — сейчас я всё выведу на чистую воду. Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сомневаться. — Покажи мне твои хваленые приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, двадцать три года... Оно так, да это еще ничего не доказывает. Что же учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ. Кирила Петрович начал беспокоиться, Марья Кириловна была ни жива ни мертва.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперед по зале, грозно насвистывая «Гром побе-

ды раздавайся». Гости шептались между собой, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, был предупрежден. Но кем и как? Это оставалось тайною.

ГЛАВА XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирила Петровича.

В тридцати верстах от него находилось богатое поместье князя Верейского. Князь долгое время находился в чужих краях, всем имением его управлял отставной майор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовым. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой отроду еще не видал.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами.

<...> В зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражен ее красотой. Троекуров посадил гостя подле ее. Князь был оживлен ее присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своею подагрой; он предпочел прогулку в линейке¹, с тем чтоб не разлучаться с милою своей соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроем и поехали. <...>

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая

¹ *Линейка* — коляска.

к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и веселыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстился густо-зеленый луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид.

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединенную пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворенное учтивыми недомолвками князя; время прошло незаметно, начало смеркаться.

ГЛАВА XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пальцах, перед открытым окошком.

<...> Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошел и позвал ее к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла ее лицо. Она молчала. Князь к ней подошел, взял ее руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастливым? Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал ее руку, вдруг слезы побежали по ее бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слезы и воротись к нам веселешенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, то есть о приданом.

Марья Кириловна живо воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал ее как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле оно было писано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 час. на прежнем месте».

ГЛАВА XV

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробежал по всему саду.

Как легкая тень молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Еще никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я все знаю, — сказал он ей тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне свое покровительство, — отвечала Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помощь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите; я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнью. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Еще есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда идут они замуж не по страсти, а из благоразумного расчета; что если возьмет он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа...

— Тогда, когда делать нечего, явитесь за мною, я буду вашей женою.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Соберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам: представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдете ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам и одной минуты счастья; роскошь утешает одну бедность и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды,

ради бога, не отставайте. Если же не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задыхался, Маша плакала...

Он тихо обнял стройный ее стан и тихо привлек ее к своему сердцу. Доверчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника. Оба молчали.

Время летело. «Пора», — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял ее руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба, я буду знать что делать.

Дубровский поцеловал ее руку и скрылся между деревьями.

В отчаянии Маша написала письмо князю Верейскому с просьбой отказаться от нее, так как она не любит его, но письмо возымело на князя обратное действие: он решил ускорить свадьбу. Не помогло и объяснение с отцом. Машу заперли на ключ в ее комнате.

ГЛАВА XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас ее положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы ее отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбат и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать ее из ее комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил, что впрочем не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ее слова ожесточили молодую затворницу, голова ее кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всем Дубровскому, и стала искать способа отправить кольцо в

дупло заветного дуба; в это время камушек ударился в окно ее, стекло зазвенело, и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовешь?

— Я пришел, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас все сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал.

С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. <...>

Но кольцо не дошло до Дубровского. Какой-то рыжий мальчишка, который залез в сад помещика полакомиться малиной, вытащил кольцо из дупла. Саша стал с ним драться. Вмешался садовник. История дошла до Кирилы Петровича. Под угрозой порки Саше пришлось во всем сознаться.

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила отношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь?— думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая Гром победы. — Может быть, я наконец нашел на его горячие следы, и он от нас не увернется. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава богу, это исправник».

— Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошел в комнату весь запыленный.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Слава богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным, — где же он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник¹, ожидавший грозного разбойника, был изумлен, увидев 13-летнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кирилу Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая однако же о Марье Кириловне.

Мальчишку отпустили, решив следить за ним.

<...> Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистеневскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул пронзительно и отрывисто, да стал слушать; легкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

ГЛАВА XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперед по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки сутились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окруженная служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кириловну, голова ее томно клонилась под тяжестью бриллиантов, она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

¹ Исправник — полицейский.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирила Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама; — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь; хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери отворились.

— Невеста готова, — сказала дама Кирилу Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С богом, — отвечал Кирила Петрович и, взяв со стола образ¹, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос ее замирал. Кирила Петрович спешил ее благословить, ее подняли, и почти понесли в карету. С нею села посажёная мать² и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесте и был поражен ее бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря³ и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала веселые поздравления присутствующих и все еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатovo;

¹ *Образ* — икона.

² *Посажёная мать* — женщина, заменяющая мать при свадебном обряде.

³ *Алтарь* — небольшое возвышение в церкви, отделенное перегородкой.

туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женой князь нимало не был смущен ее холодным видом. Он не стал докучать ее приторными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти верст, лошади неслись быстро по кочкам проселочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: «Вы свободны, выходите». «Что это значит, — закричал князь, — кто ты такой?..» «Это Дубровский», — сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет, но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы, свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Вереяского.

— Что вы говорите, — закричал с отчаяния Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостью, — князь мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже ее не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставляя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряженных, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

ГЛАВА XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников, обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкою с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Землянка устлана и обвешана была богатыми коврами, в углу находился женский серебряный туалет и трюмо. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него из-за перегородки, не могла знать, заснул ли он или только задумался.

Вдруг Дубровский вздрогнул: в укреплении сделалась тревога, и Степка просунул к нему голову в окошко. «Батюшка, Владимир Андреевич,— закричал он, — наши знак подадут, нас ищут». Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дво-

ре; при его появлении настало глубокое молчание. «Все ли здесь?» — спросил Дубровский. «Все, кроме дозорных», — отвечали ему. «По местам!» — закричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определенное место. В сие время трое дозорных прибежали к воротам. Дубровский пошел к ним навстречу. «Что такое?» — спросил он их. «Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают». Дубровский велел запереть ворота и сам пошел освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам. «Готовиться к бою», — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох, снова все утихло. Тогда слышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтораста солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен: одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперед, солдаты за ним последовали и сбегали в ров; разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался, солдаты уже были на валу, разбойники начали уступать, но Дубровский, подошед к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь, несколько солдат подхватили его на руки и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велев отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена

была рота солдат, дабы взять его мертвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ними не было. Несколько дней после сражения он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. «Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид¹, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдаленную губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло». После сей речи он оставил их, взяв с собою одного. Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении. Но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

Вопросы и задания ко 2-ому тому и всей повести «Дубровский»

I. Разберемся в прочитанном

1. Вспомните содержание первого и второго томов повести. Каким событиям они посвящены и как связаны между собой?
2. Какие новые стороны характера Троекурова и Владимира Дубровского раскрываются во втором томе?
3. Назовите новых героев, которые появились во второй части повествования. Какова их роль в развитии событий?

II. Поразмышляем над произведением

1. Все ли вы принимаете в характере Владимира Дубровского или с чем-то не согласны? Каково отношение к нему Пушкина? Докажите примерами из текста.
2. Расскажите «историю» Маши Троекуровой. Какие особенности ее характера близки современным читателям?

¹ Вид — здесь: паспорт, «вид на жительство».

3. Какое событие в повести явилось причиной всех последующих событий (завязкой)? В каком месте развитие действия достигло наивысшего напряжения (кульминации)? Чем завершается развитие действия (развязка)? Все ли конфликты разрешились в развязке?

III. Сделаем выводы

1. В чем причина конфликта, возникшего между Дубровским и Троекуровым? Только ли эпизод на псарне стал причиной ссоры двух помещиков?

2. Почему стали разбойниками Владимир Дубровский и его крестьяне? Чей протест против порядков крепостнической России был более последовательным? Если Владимир Дубровский мстил только за личную обиду, то против чего выступали крестьяне?

3. Сравните несколько сходных по содержанию эпизодов, в которых действуют Троекуров и Верейский (например: прием гостей в Покровском у Троекурова и в Арбатове у Верейского; круг занятий помещиков; их отношение к нежеланию Маши выходить замуж за нелюбимого человека и др.). Сделайте вывод. Что общего между Троекуровым и Верейским? Чем они отличаются друг от друга?

4. Каковы тема и идейное содержание повести?

IV. Для самостоятельной работы

1. Напишите краткое изложение на одну из следующих тем: «Причина ссоры Дубровского и Троекурова и её последствия», «Троекуров и местные помещики», «История жизни Владимира Дубровского».

2. Подготовьте устное описание по выбору:

- а) портрет Троекурова (Андрея или Владимира Дубровского, Маши Троекуровой, кузнеца Архипа);
- б) вид Кистеневки (Покровского или Арбатова);
- в) столкновение кистеневских крестьян и солдат;
- г) переживания Дефоржа, оказавшегося в комнате с медведем;
- д) лагерь разбойников.

О КОМПОЗИЦИИ ЭПИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Литературно-художественное произведение всегда включает описание каких-то событий, чувств, переживаний людей. Последовательное изложение событий в произведении принято называть **сюжетом**. Чтобы передать сюжет повести «Дубровский», надо последовательно рассказать содержание основных сцен, рассмотреть, как в них раскрываются характеры действующих лиц.

В развитии сюжета обычно отмечают экспозицию, завязку, кульминацию и развязку.

Экспозиция — это вступительная часть, в которой читатель знакомится с временем, описанным в художественном произведении, с основными действующими лицами. Нередко экспозиции предшествует **пролог** — введение, знакомящее с авторским замыслом или событиями, которые предшествовали изложенным в произведении. Экспозицией повести «Дубровский» является часть первой главы, из которой мы узнаем, кто такие Троекуров и Дубровский, как сложилась их жизнь, как к Троекурову относились в губернии.

Завязка — событие, с которого начинается действие в художественном произведении, влекущее за собой все последующие существенные события. Завязкой в прочитанной вами повести служит ссора Троекурова и Дубровского: не будь её, Кистеневка осталась бы у подлинного владельца, Владимир Дубровский продолжал бы службу в Петербурге, по-другому сложилась бы судьба крепостных крестьян, Маша Троекуровой и т. д.

Кульминация — момент наивысшего напряжения в развитии действия. В повести Пушкина кульминация — нападение Дубровского на экипаж, в котором Верейский и Маша возвращались из церкви.

Развязка — разрешение конфликта, вызвавшего борьбу действующих лиц литературно-художественного произведения. Как правило, она совпадает с заключительными сце-

нами. В последней главе читатель узнает, как сложилась судьба Дубровского, когда отряд разгромили.

Иногда автор рассказывает, как складывается судьба героев после описанных событий; это своеобразное послесловие принято называть **эпилогом**.

Для понимания произведения имеет значение эпиграф — стихотворная строчка, отрывок, пословица, отдельная фраза из произведений других авторов, которые писатель помещает в начале рассказа, повести, поэмы, романа или какой-либо главы для пояснения основной мысли, содержания, темы. Так, четвертой главе повести «Дубровский» предшествует эпиграф: «Где стол был яств, там гроб стоит», предупреждающий о трагическом содержании последующего повествования.

Общее же построение произведения называется **композицией**.

Вопросы и задания

1. Изображаемые в художественном произведении события всегда следуют в хронологической последовательности. Согласны ли вы с этим утверждением?

2. В каких случаях писатель (поэт) отступает от последовательного изложения событий и «отсылает» читателя в прошлое? Нарушаются ли при этом законы построения (композиция) произведения?

Михаил
Юрьевич
Лермонтов
(1814–1841)

Люблю
Отчизну я...

М. Ю. Лермонтов

... Мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества.

В. Г. Белинский

Когда открываешь томик стихов М.Ю. Лермонтова и бросаешь взгляд на молодое лицо с печальными глазами, прекрасное лицо человека, обреченного на долгие страдания и короткую жизнь, то неизменно охватывает чувство грусти и нежности, тоски и гордости.

Вот уже более, чем полтора столетия его стихи и проза воспринимаются миллионами людей как очень личное переживание.

Когда читаешь строки прекрасного лермонтовского стихотворения «Парус» — «А он мятежный просит бури...», то чувствуешь взволнованность, желание жить, действовать.

Михаил Юрьевич Лермонтов — лирический герой почти всех своих стихов. Мы знаем его как человека — с его одиночеством, тоской, предчувствием своей ранней гибели, но всегда жизнелюбивого со страстным желанием воли, свободы, счастья.

*Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.*

Песня матери. Родителей М.Ю. Лермонтов почти не знал. В памяти М.Ю. Лермонтова остались лишь смутные воспоминания о раннем детстве. Он запомнил, что мать, Мария Михайловна, часто играла ему на фортепиано и тихим голосом пела свои любимые песни. Впоследствии М.Ю. Лермонтов записал в одной из юношеских тетрадей: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее пела мне покойная мать».

Мария Михайловна умерла, когда Мише не было трех лет, но он навсегда сохранил в памяти ее песню и потом все прекрасное и светлое напоминало звуки этой песни. После смерти матери отец уехал, и Миша видел его редко.

Детство М.Ю. Лермонтова прошло в селе Тарханы Пензенской губернии в имении бабушки. Бабушка М.Ю. Лермонтова, богатая помещица Елизавета Алексеевна Арсеньева очень любила свою дочь, а после ее смерти свою любовь и нежность перенесла на внука. Она не захотела отдать Мишу отцу, так как считала его виновным в смерти дочери и поставила

условие, что в завещании все свое наследство оставит внуку, если он будет у нее воспитываться до совершеннолетия.

Отец изредка навещал сына, но почти всегда при этом происходили ссоры с бабушкой. Мальчик очень переживал это. Он любил и своего молчаливого, красивого отца, любил бабушку и не мог понять, кто виноват в ссорах.

Эта длившаяся годы семейная ссора оставила глубокий след в душе впечатлительного ребенка и не могла не сказаться на формировании его характера. От природы общительный и доверчивый, мальчик замкнулся в себе и предпочитал одиночество.

В одном из своих юношеских стихотворений М.Ю. Лермонтов писал:

*Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье...*

Но было в детстве М.Ю. Лермонтова немало и таких впечатлений, которые благотворно влияли на него и помогли раскрыться его поэтическому дарованию.

Он рос в самом сердце России, среди прекрасной русской природы, он всматривался в жизнь барской усадьбы и крепостной деревни, все эти наблюдения позже отразил в своей поэзии.

*И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей.
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.*

(«Как часто пестрою толпою окружен»)

У тарханских крестьян учился М.Ю. Лермонтов русской народной речи, слушая песни и предания об Иване Грозном, о Разине, о Пугачеве.

Однажды в руки Миши попала рукописная поэма декабриста Бестужева-Марлинского. На мальчика произвело сильное впечатление описание бурного моря и одинокого гребца среди волн. Через пять лет М.Ю. Лермонтов написал стихотворение «Парус», первая строчка которого повторяет бестужевскую: «Белеет парус одинокий».

Так, уже в детские годы, под влиянием событий, происходивших вокруг него, стали формироваться нравственные убеждения М.Ю. Лермонтова, которые впоследствии найдут воплощение в его творчестве.

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! Он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

О стихотворении «Парус»

Поразмышляем над стихотворением.

Вы прочитали стихотворение и, наверное, очень ярко себе представили картину, нарисованную М.Ю. Лермонтовым: голубая морская даль и одинокий белый парус. Не правда ли, красиво! Но отчего так тревожно? Автор задает вопрос-

размышление. Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?

Во второй строфе картина резко меняется. Приближается буря, все приходит в движение, и мы с вами не только видим море, но и слышим его: «ветер свищет», а волны готовы смять парус («мачта гнется и скрипит»). Тревожное настроение нарастает, звучит горькая уверенность, что для паруса невозможно счастье: «Увы! Он счастья не ищет и не от счастья бежит». Но вот море опять спокойно («струя светлей лазури», «луч солнца золотой»), однако мятежному герою не хочется покоя, он просит бури.

Нам ясно, что автор сочувствует стремлению героя и грустит: ведь нелегкий путь выбрал себе «парус» — бурю вместо покоя.

«Парус» — стихотворение с очень глубоким смыслом. В двенадцати строчках столько серьезных мыслей, такое богатство чувств! Здесь грусть и тоска сочетаются с радостью и гордостью, здесь неудовлетворенность и одиночество, жадное желание вмешаться в жизнь, отказ от смирения, покорность судьбе.

Мелодичный и мягкий ритм стиха делают его музыкальным, а живописность изображения помогают нарисовать в воображении яркую картину. (На стихотворение «Парус» написан романс композитором А. Варламовым, а сам М.Ю. Лермонтов создал прекрасный акварельный рисунок).

Вопросы и задания

I. Разберемся в прочитанном

1. Прослушайте выразительное чтение стихотворения «Парус» учителем.

2. Устно нарисуйте картину, изображенную в стихотворении. При этом подумайте: Как поэт изображает бурю на море? Море после бури?

3. Какое настроение вызвало это стихотворение у вас? Можете ли вы объяснить, почему?

4. С какой интонацией надо читать это стихотворение? (Спокойно, взволнованно). Обратите внимание на вопросительные, восклицательные предложения, многоточия. Выразительно прочитайте стихотворение.

5. Какие слова и словосочетания помогают очень образно представить картину, нарисованную М.Ю. Лермонтовым?

6. Вспомните значение слова «аллегория» (иносказание). Использовал ли М.Ю. Лермонтов в стихотворении этот прием? Объясните, как.

7. Объясните термин «вольнолюбивая лирика». Можно ли стихотворение «Парус» отнести к этому виду поэзии? Докажите свой ответ, раскрывая смысл стихотворения.

II. Выполните самостоятельно

1. Прослушайте романс А. Варламова на стихи М.Ю. Лермонтова «Белеет парус одинокий». Переданы ли в музыке чувства, наполняющие стихотворение?

2. Попробуйте нарисовать иллюстрацию к стихотворению «Парус». Какие вы используете краски? Как изобразите бурю на море?

ТРИ ПАЛЬМЫ

Восточное сказание

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.
И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке¹ наклоня,
Араб горячил² вороного коня.

¹ *Лука* — изгиб седла.

² «Горячил ... коня» — подгонял коня плетью.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса¹ вились в беспорядке;
И с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит шумя караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

¹ Фарис (араб.) — всадник.

Вопросы и задания

1. Почему пальмы роптали на свою судьбу? Чем они были недовольны?

2. Как встретили караван зеленые пальмы?

I. Поразмышляем над стихотворением

В чем заключается основная мысль стихотворения? Только ли о природе аравийской земли идет речь? Выделите строфы с описанием того, как гостеприимно встретили пальмы и ручей путников, и как люди отплатили им черной неблагодарностью. Подумайте, каковы были последствия варварского поступка людей из каравана.

II. Будьте внимательны к поэтическому слову

Прочитав стихотворение, вы восприняли пальмы как одушевленные существа. Какие изобразительные средства использовал поэт для «оживления» природы? Найдите в стихотворении такие поэтические образы, например: «гордые пальмы», «И стали три пальмы на Бога роптать...», «изрублены были тела их потом...» Продолжите этот ряд. Для чего Лермонтов использовал такой поэтический прием?

III. Для самостоятельной работы

Прочитайте в словаре литературоведческих терминов определение метафоры и олицетворения. Можно ли отнести слова и обороты из раздела II вопросов к этим видам тропов?

IV. Развите речи.

Составьте небольшое эссе на тему: «Беречь природу – наш долг».

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Вопросы и задания

I. Поразмышляем над прочитанным

1. Отчего задумчив и печален старый утес?
2. В чем вы видите различие «судеб» золотой тучки и утеса-великана?

II. Будьте внимательны к поэтическому слову

В стихотворении дана как бы беглая зарисовка — тучка опустилась на ночь на большой каменный утес. Казалось бы, над чем тут особенно размышлять. Но поэтическое оформление этой мысли создает очарование и определенное настроение. Так, эпитеты (слова-определения) стоят на необычном месте, после определяемого слова, и это сделало их особенно заметными, выделенными.

Подлежащее также поменялось местом со сказуемым, и приняло на себя смысловую нагрузку.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса — великана.
Но остался влажный след в морище...

Необычный порядок слов в предложении называется **инверсией**. Инверсия — одно из выразительных средств стихотворения, которое помогает передать настроение лирического героя.

ЧТО ТАКОЕ СТИХИ? ДВУСЛОЖНЫЕ РАЗМЕРЫ СТИХА

Каждый из нас безошибочно отличает стихи от прозы, на слух. Стихотворная речь выделяется своим ритмическим построением и музыкальностью. В чем тут дело? В слове, как известно, чаще всего несколько слогов и один из них ударный. И если в прозаическом тексте не имеет значения расположение слов, то в стихотворном тексте слова строго организованы. Стихотворные строки отличаются организованностью, размеренным и правильным чередованием ударных слогов с неударными, то есть **ритмичностью**.

Рассмотрим, к примеру, отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Зимняя дорога»:

*По доро́ге зи́мней, скучной
Тро́йка бо́рзая бежи́т.*

Представим схему этих строк:

$\begin{array}{ccccccc} \text{—} & \text{—} & \text{—} & \text{—} & \text{—} & \text{—} & \text{—} \\ \text{—} & \text{—} & \text{—} & \text{—} & \text{—} & \text{—} & \text{—} \end{array}$

После ударного слога следует неударный, они чередуются в определенном порядке. Вы, вероятно, заметили, что все слова разбиваются на группы, в каждой из которых ударный слог сочетается с неударным. Такая группа носит название стопы.

Стопа — единица стихосложения, повторяющееся сочетание метрически сильного и метрически слабого места.

В зависимости от количества слогов стопа может быть двусложной или трехсложной. В нашем примере стопа двусложная. Порядок расположения ударных и неударных слогов в стопе называется размером.

Размер (стихотворный) — форма стихотворного ритма, последовательно выдержанная на протяжении стихотворного произведения или его отрывка (части стихотворения могут быть написаны разными размерами).

Если ударение падает на первый слог в двусложной стопе, то этот размер носит название хорей: (— —). Стихотворение А.С.Пушкина «Зимняя дорога» написано хореем.

Хорей (от греч. choreios – «плясовой», «бегущий») — тип стихосложения, где два слога в стопе чередуются: ударный — неударный.

Второй двусложный размер — ямб. Ударение в этом случае падает на второй слог: сначала неударный, а потом — ударный.

Вот строки из стихотворения А.С. Пушкина «Зимнее утро»:

*Морóз и со́лнце! Де́нь чуде́сный!
Ещё́ ты дре́млешь, дру́г преле́стный...*

На схеме эти строки выглядят так:

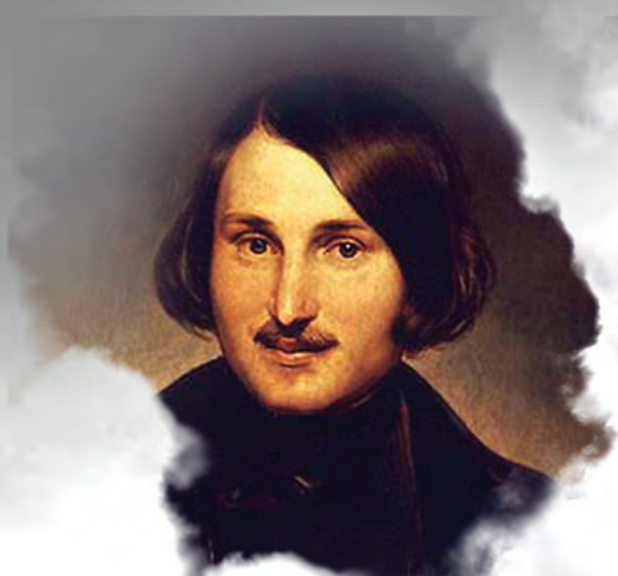
— ' — ' — ' — ' —
— ' — ' — ' — ' —

Это стихотворение написано ямбом.

Ямб — в метрическом стихосложении стопы из двух слогов — первый безударный, второй — ударный.

Конечно, не одним только размером определяется музыкальный характер поэтического произведения. Одной из особенностей стихотворной речи является **рифма**, то есть созвучность окончаний в двух или нескольких строках.

Николай
Васильевич
Гоголь
(1809–1852)

*Гоголь приблизил литературу к жизни,
языку, народному творчеству, к самому
мышлению народа.*

□. □. □□□□□□□□

Замечательный русский писатель Н. В. Гоголь родился на Украине, в местечке Большие Сорочинцы, в семье помещика. Большие Сорочинцы и имение отца Васильевка на Полтавщине, где прошло детство писателя, стали потом известны всей России: Гоголь описал их в своих ранних повестях.

Родители Гоголя были «добрыми» помещиками. Но все-таки крестьяне убегали из Васильевки, потому что она была обычной крепостной усадьбой: помещичья семья, многочисленная дворня, постоянное пребывание гостей, приезжавших сюда целыми семьями, — все это требовало больших средств. И все же Васильевку нельзя назвать усадьбой, похожей на все остальные. Почему? Под крышей помещичьего дома нашла приют любовь к книге, к русской и украинской поэзии. Именно здесь началось знакомство будущего писателя с народными песнями, сказками, преданиями и обычаями, его увлечение народными песнями.

Отец Гоголя не только любил литературу, но и сочинял комедии на русском и украинском языках.

Крепостной театр¹, музыкальные вечера, богатая библиотека, замечательные коллекции произведений искусства — и рядом с этим шуты, над которыми издевались не только гости, но и хозяева Трощинские, тысячи крепостных... Эти впечатления детства на всю жизнь остались в памяти Гоголя. Они жили рядом с воспоминаниями о народной жизни, о песнях, сказаниях народа.

За годы учения в Полтавском уездном училище проявился разносторонний талант Гоголя-художника: он рисовал, писал стихи, пьесы, прозу. Был создателем и душой гимназического театра, пользовался большим успехом у зрителей как актер.

1828 год. Гоголь в Петербурге. С этим городом он связал свои мечты о служении Родине и народу в далеком Нежине. Тогда он еще не знал, как тяжело может быть человеку в этом огромном каменном городе.

Поиск своего места в жизни и средств к жизни продолжался. Гоголь пытался поступить актером в театр, давал частные уроки, писал статьи... И жадно продолжал учиться: занимался живописью в Академии художеств, глубоко и серьезно изучал историю, обычаи и предания, народное творчество украинского народа. И писал.

Маленькую комнатку мрачного петербургского дома освещает яркое солнце Украины. В ней слышатся звонкие голоса украинских девушек и парней. Веселых, смелых, искренних, озорных. Эти лучшие черты народного характера, силу своего народа, его красоту описывает Гоголь в своих первых повестях, которые потом выйдут под названием «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Гоголь населил эти повести героями народных украинских сказок. Черти, ведьмы, русалки, выйдя из этих сказок, вместе с героями Гоголя вошли в русскую литературу именно там, в маленькой комнатке мрачного петербургского дома.

¹ *Крепостной театр* — театр, в котором актерами были крепостные крестьяне.

И вот уже далеко от Петербурга, у себя в Васильевке, мать Гоголя читает в письме сына: «... Я теперь более, нежели когда-либо, тружусь и более, нежели когда-либо, весел. Спокойствие в моей груди величайшее».

Откуда в этой маленькой комнатке вдруг веселье, спокойствие? Может быть, это связано с тем, что у Гоголя появились новые друзья — поэт Жуковский, профессор Плетнев, которые были и друзьями Пушкина. А может быть тем, что сам труд давал это счастье?

Ведь о книге «Вечера на хуторе близ Диканьки» Белинский написал потом: «Это была поэзия юная, свежая, благоуханная, роскошная, упоительная».

А потом Гоголь узнал и об отзыве Пушкина на эту книгу: «Прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня... Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился...»

В гоголевских «Вечерах» высокую оценку Пушкина получила отраженная здесь жизнь народа, его характер, мысли, чувства. И прежде всего свободолюбие. Народ Украины предстает в этой книге свободным, потому что Гоголь рисует Украину страной, где нет крепостного права. А ведь во времена Гоголя крепостное право было: крепостником был отец писателя и родственник Трощинский. Может быть, Гоголь хотел приукрасить, то есть показать в лучшем виде жизнь? Нет, просто он выражал свои вольнолюбивые настроения: ведь только свободный человек может быть счастливым.

Вопросы и задания

1. Какие обстоятельства жизни повлияли на формирование интересов будущего писателя?
2. Что помогло Гоголю ярко изобразить жизнь украинского народа в книге «Вечера на хуторе близ Диканьки»?
3. Как оценил книгу Гоголя А. С. Пушкин? Чем были близки «Вечера» Пушкину?

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

(В сокращении)

I

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!¹ Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землей, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятьях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи...

Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет тому назад, когда дорога, верст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались...

Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щеголей и кокеток ненавистным для них сеном.

¹ *Малороссия* — так во времена Н. В. Гоголя называли Украину.

Одиноко в стороне тащился на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разной домашней поклажею, за которым брел, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин... Много встречных, и особливо молодых парубков, брались за шапку, поравнявшись с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляли это делать; стоило только поднять глаза немного вверх, чтобы увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново... и хорошенькие глазки беспрестанно бегали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! В первый раз на ярмарке! Девушка в осьмнадцать лет в первый раз на ярмарке!..

Но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило упросить отца взять с собою, который и душой рад был бы сделать это прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы. Неугомонная супруга, но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики, красного только цвета, в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность ее красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочки.

Глазам наших путешественников начал уже открываться Пёсл; издали уже веяло прохладою, которая казалась ощутительнее после томительного разрушающего жара. <...>

Воз со знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними.

Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечник, которым исправно занималась во все продолжение пути, как вдруг слова: «Ай, да дивчина!» — поразили слух ее. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетиловских смушек, подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесенное слово.

— Славная дивчина! — продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее глаз. — Я бы отдал все свое хозяйство, чтобы поцеловать ее. А вот впереди и дьявол сидит!

Хохот поднялся со всех сторон, но разряженной сожительнице медленно выступавшего супруга не слишком показалось такое приветствие: красные щеки ее превратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождем на голову разгульного парубка:

— Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете черт бороду обжег! <...>

II

Вам, верно, случалось слышать где-то валящийся отдаленный водопад, когда встревоженная окрестность полна гула и хаос чудных неясных звуков вихрем носится перед вами. Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туло-

вищем по площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит? <...>

Приезжий мужик наш с чернобровою дочкой давно уже толкался в народе. Подходил к одному возу, щупал другой, примеривался к ценам; а между тем мысли его ворочались безостановочно около десяти мешков пшеницы и старой кобылы, привезенных им на продажу. По лицу его дочери заметно было, что ей не слишком приятно находиться около возов с мукою и пшеницею. Ей бы хотелось туда, где под полотняными ятками¹ нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты...

Но вот почувствовала она, кто-то дернул ее за шитый рукав сорочки. Оглянулась — и парубок в белой свитке, с яркими очами стоял перед нею. Жилки ее вздрогнули, и сердце забилося так, как еще никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею.

— Не бойся, серденько, не бойся! — говорил он ей вполголоса, взявши ее руку, — я ничего не скажу тебе худого.

«Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, — подумала про себя красавица, — только мне чудно... верно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится так... а силы недостает взять от него руку».

III

Отец девушки разговорился с другими торговцами о ценах на пшеницу, о том, как выгодней продать свой товар. Но мужики были озабочены тем, что в этих местах, якобы, завелась «нечистая сила».

— Слышал ли ты, что поговаривают в народе? — продолжал тот, что с шишкою на лбу, наводя на него искоса угрюмые свои очи.

— Ну!

¹ Ятки — навесы.

— Ну, то-то ну! Заседатель отвел для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тот старый сарай, что вон-вон стоит под горою? (Тут любопытный отец нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во внимание.) В том сарае то и дело, что водятся чертовские шашни, и ни одна ярмарка в этом месте не проходила без беды. Вчера волостной писарь проходил поздно вечером, только глядь — в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже; того и жди, что опять покажется **красная свитка**¹!

— Что же это за красная свитка?

Тут у нашего внимательного слушателя волосы поднялись дыбом; со страхом оборотился он назад и увидел, что дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки, позабыв про все находящиеся на свете свитки. Это разогнало его страх и заставило обратиться к прежней беспечности.

— Эге-ге-ге, земляк! Да ты мастер, как вижу, обниматься!

Парубок заметил тот же час, что отец его любезной не слишком далек, и в мыслях принялся строить план, как бы склонить его в свою пользу.

— Ты, верно, человек добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчас узнал.

— Может, и узнал.

— Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу: тебя зовут Солопий Черевик.

— Так, Солопий Черевик.

— А взглядишь-ко хорошенько: не узнаешь ли меня?

— Нет, не познаю. Не во гнев будь сказано, на веку столько довелось наглядеться лиц всяких, что черт их и припомнит всех!

¹ *Свитка* — украинская национальная мужская одежда в виде удлиненного пиджака.

— Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!

— А ты будто Охримов сын?

— А кто ж? Разве один только лысый дядько, если не он.

Тут приятели побрались за шапки, и пошло целование...

— Ну, Солопий, вот, как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга так, что хоть бы и навеки жить вместе.

— Что ж, Параска, — сказал Черевик, оборотившись и смеясь к своей дочери, — может, и в самом деле, чтобы уже, как, говорят, вместе и того... чтобы паслись на одной траве! Что? По рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай магарычу!..

IV

— Ну, жинка! А я нашел жениха дочке!

— Вот как раз до того теперь, чтобы женихов отыскивать! Дурень, дурень! Тебе, верно, и на роду написано остаться таким! Где ж таки ты видел, где ж таки ты слышал, чтобы добрый человек бегал теперь за женихами? Ты подумал бы лучше, как пшеницу с рук сбыть; хорош должен быть и жених там! Думаю, оборваннейший из всех голодранцев.

— Э, как бы не так! Посмотрела бы ты, что там за парубок? Одна свитка больше стоит, чем твоя зеленая кофта и красивые сапоги.

— Бьюсь об заклад, если это не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сих пор он не попадется мне: я бы дала ему знать.

— Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый; чем же он сорванец?

— Э! Чем же он сорванец! Ах ты, безмозглая башка! Слышишь! Чем же он сорванец! Куда же ты запрятал дурацкие глаза свои, когда проезжали мы мельницы; ему хоть бы тут же, перед его запачканным в табачище носом, нанесли жинке его бесчестье, ему бы и нуждочки не было.

— Все, однако же, я не вижу в нем ничего худого, парень хоть куда! Только разве что заклеил на миг образину твою навозом.

— Эге! Да ты, как я вижу, слова не дашь мне выговорить! А что это значит? Когда это бывало с тобою? Верно, успел уже хлебнуть, не продавши ничего...

V

Рассеянно глядел парубок в белой свитке, сидя у своего воза, на глухо шумевший вокруг него народ.

— О чем загорюнился, Грицько? — вскричал высокий загоревший цыган, ударив по плечу нашего парубка. — Что ж, отдавай волы за двадцать!

— Тебе бы все волы да волы. Вашему племени все бы корысть только. Поддеть да обмануть доброго человека...

— А спустишь волов за двадцать, если мы заставим Черевика отдать нам Параску?

В недоумении посмотрел на него Грицько.

— Не за двадцать, а за пятнадцать отдам, если не солжешь только! — отвечал парубок, не сводя с него испытующих очей.

— За пятнадцать? Ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вот тебе и синица в задаток!

— Ну, а если солжешь?

— Солгу — задаток твой!

— Ладно! Ну, давай же по рукам!

— Давай!

VII

На ярмарке случилось странное происшествие: все наполнилось слухом, что где-то между товаром показалась красная свитка. Старухе, продававшей бублики, почудился сатана в образине свиньи, который беспрестанно наклонялся над возами, как будто искал чего.

К этому присоединились еще увеличенные вести о чуде, виденном волостным писарем в развалившемся сарае, так что к ночи все теснее жались друг к другу; спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои; а те, которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах, убрались домой. К числу последних принадлежал и Черевик с кумом и дочкою, которые вместе с напросившимися к ним в хату гостями произвели сильный стук, так перепугавший нашу Хиврю.

Черевик наш, которого давно мучила красная свитка и не давала ни на минуту покою любопытному его духу, приступил к куму:

— Скажи, будь ласков, кум! Вот прошусь, да и не допрошусь истории про эту проклятую свитку.

— Э, кум! Оно бы не годилось рассказывать на ночь, да разве уже для того, чтобы угодить тебе и добрым людям (при сем обратился он к гостям), которым, я примечаю, столь же, как и тебе, хочется узнать про эту диковину. Ну, быть так. Слушайте ж!..

— Раз, за какую вину, ей-богу, уже и не знаю, только выгнали одного черта из пекла.

— Как же, кум? — прервал Черевик, — как же могло это стать, чтобы черта выгнали из пекла?

— Что ж делать, кум? выгнали, да и выгнали, как собаку мужик выгоняет из хаты.

Вот черту бедному так стало скучно, так скучно по пекле, что хоть до петли. Что делать? Давай с горя пьянствовать. Угнезвился в том самом сарае, который, ты видел, развалился под горою и мимо которого ни один добрый человек не

пройдет теперь, не оградив наперед себя крестом святым, и стал черт такой гуляка, какого не сыщешь между парубками. С утра до вечера то и дело, что сидит в шинке!..

— Бог знает, что говоришь ты, кум! Как можно, чтобы черта впустил кто-нибудь в шинок? Ведь у него же есть, слава богу, и когти на лапах, и рожки на голове.

— Вот то-то и штука, что на нем была шапка и рукавицы. Кто его распознает? Гулял, гулял — наконец пришлось до того, что пропил все, что имел с собою. Шинкарь долго верил, потом и перестал. Пришлось черту заложить красную свитку свою...

— Заложил и говорит ему: «Смотри, жид, я приду к тебе за свиткой ровно через год: береги ее!» — и пропал, как будто в воду...

Со временем шинкарь забыл про условие, продал свитку какому-то проезжему пану за пять червонцев. А ровно через год явился черт в человеческом обличье и потребовал отдать свою свитку. Хозяин шинка «прикинулся, что и в глаза не видел никакой свитки», но во время вечерней молитвы услышал какой-то шорох и вдруг увидел, что во всех окнах «повыставлялись свиные рыла...»

<...> Тут в самом деле послышался какой-то неясный звук, весьма похожий на хрюканье свиньи, все побледнели... Пот выступил на лице рассказчика.

— Что? — произнес в испуге Черевик.

— Ничего!.. — отвечал кум, трясаясь всем телом.

— Ась?.. — отозвался один из гостей.

— Ты сказал?..

— Нет!

— Кто ж это хрюкнул?

— Бог знает, чего мы переполошились! Никого нет!

Все боязливо стали осматриваться вокруг и начали шарить по углам. Хивря была ни жива ни мертва.

— Эх вы, бабы! бабы! — произнесла она громко. — Вам ли козаковать и быть мужьями! Вам бы веретено в руки, да и посадить за гребень! Один кто-нибудь, может, прости

господи... Под кем-нибудь скамейка заскрипела, а все и метнулись как полоумные!

Это привело в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться; кум хлебнул из кружки и начал рассказывать далее:

— Жид обмер; однако ж свиньи, на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили жида плетеными тройчатками, заставя его плясать повыше вот этого сволока. Жид — в ноги, признался во всем... Только свитки нельзя уже было воротить скоро. Пана обокрал на дороге какой-то цыган и продал свитку перекупке¹, та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но с тех пор уже никто ничего не стал покупать у ней. Перекупка дивилась, дивилась, и, наконец, смекнула: верно, виною всему красная свитка. Недаром, надевая ее, чувствовала, что ее все давит что-то. Не думая, не гадая долго, бросила в огонь — не горит бесовская одежда! «Э, да это чертов подарок!» Перекупка умудрилась и подсунула в воз одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался, только масла никто и спрашивать не хотел. «Эх, недобрые руки подкинули свитку!» Схватил топор и изрубил ее в куски, глядь — и лезет кусок к другому и опять целая свитка. Перекрестившись, хватил топором в другой раз, куски разбросал по всему месту и уехал. Только с тех пор каждый год, и как раз во время ярмарки, черт с свиною личиною ходит по всей площади, хрюкает и подбирает куски своей свитки. Теперь, говорят, одного только левого рукава недостает ему. Люди с тех пор отрещиваются от того места, и вот уже будет лет десяток, как не было на нем ярмарки. Да нелегкая дернула теперь заседателя от...

Другая половина слова замерла на устах рассказчика...

Окно брякнуло с шумом, стекла, звеня, вылетели вон, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: «А что вы тут делаете, добрые люди?»

¹ *Перекупка* — торговка.

VIII

Ужас сковал всех находившихся в хате. Кум с разинутым ртом превратился в камень. Глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить...

— Ай! Ай! Ай! — отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе и болтая на ней руками и ногами. «Спасайте!» — горланил другой, закрывшись тулупом. Кум, выведенный из своего окаменения вторичным испугом, пополз в судорогах под подол своей супруги. Высокий храбрец полез в печь, несмотря на узкое отверстие, и сам задвинул себя заслонкою. А Черевик, как будто облитый горячим кипятком, схвативши на голову горшок вместо шапки, бросился к дверям и как полоумный бежал по улице, не видя земли под собою, одна усталость только заставила его уменьшить немного скорость бега. Сердце его колотилось, как мельничная ступа, пот лил градом. В изнеможении готов уже был он упасть на землю, как вдруг послышалось ему, что кто-то гонится за ним.. Дух у него занялся... «Черт! черт!» — кричал он без памяти, утраив силы, и через минуту без чувств повалился на землю...

X

На следующее утро после ночи, наполненной страхами, Черевик все же решил продавать свою кобылу. Но на душе у него было какое-то дурное предчувствие...

— Будет продажа теперь! — ворчал он сам себе, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. — Недаром, когда я сбирался на эту проклятую ярмарку, на душе было так тяжело, как будто кто взвалил на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой.

Тут философствование нашего Черевика прервано было толстым и резким голосом. Пред ним стоял высокий цыган.

— Что продаешь, добрый человек?

Продавец помолчал, посмотрел на него с ног до головы и сказал с спокойным видом, не останавливаясь и не выпуская из рук узды:

— Сам видишь, что продаю!

— Ремешки? — спросил цыган, поглядывая на находившуюся в руках его узду.

— Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.

— Однако ж, черт возьми, земляк, ты, видно, ее соломою кормил!

— Соломою?

Тут Черевик хотел было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи бесстыдного поносителя, но рука его с необыкновенною легкостью ударилась в подбородок. Глянул — в ней перерезанная узда и к узде привязанный — о ужас! Волосы его поднялись горою! — кусок красного рукава свитки!.. Плюнув, крестясь и болтая руками, побежал он от неожиданного подарка и, быстрее молодого парубка, пропал в толпе.

ХП

Кума посчитали за сообщника Черевика и связали их вместе.

— За что же это, кум, на нас напасть такая? Тебе еще ничего, тебя винят по крайней мере за то, что у другого украл, но за что мне несчастливцу, недобрый поклеп такой: будто у самого себя стянул кобылу? Видно, нам, кум, на роду уже написано не иметь счастья!

— Горе нам, сиротам бедным!

Тут оба кума принялись всхлипывать навзрыд.

— Что с тобою, Солопий? — сказал вошедший в это время Грицько. — Кто это связал тебя?

— А! Голопупенко, Голопупенко! — закричал, обрадовавшись, Солопий. — Вот, кум, это тот самый, о котором я говорил тебе...

— Что ж ты, кум, так не уважил такого славного парубка?

— Вот, как видишь, — продолжал Черевик, оборотясь к Грицьку, — наказал бог, видно, за то, что провинился перед тобой. Прости, добрый человек! Ей-богу, рад бы был сде-

лать все для тебя... Но что прикажешь? В старухе дьявол сидит!

— Я не злопамятен, Солопий. Если хочешь, я освобожу тебя! — Тут он мигнул хлопцам, и те же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать. — За то и ты сделай, как нужно: свадьбу! — да и попируем так, чтобы целый год болели ноги от гопака.

— Смотри ж, Солопий, через час я буду к тебе, а теперь ступай домой: там ожидают тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!

— Как! Разве кобыла нашлась?

— Нашлась!

Черевик от радости стал неподвижен, глядя вслед уходящему Грицько.

— Что, Грицько, худо мы сделали свое дело?— сказал высокий цыган спешившему парубку. — Волы ведь мои теперь?

— Твои! Твои!

ХІІІ

Подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась Параска, одна, сидя в хате. Много грез обвивалось около русой головы. Иногда вдруг легкая усмешка трогала ее алые губки и какое-то радостное чувство подымало темные ее брови, а иногда снова облако задумчивости опускало их на карие светлые очи. «Ну что, если не сбудется то, что говорил он? — шептала она с каким-то выражением сомнения. — Ну что, если меня не выдадут? Если... Нет, нет; этого не будет! Мачеха делает все, что ей ни вздумается; разве и я не могу делать того, что мне вздумается? Упрямства-то и у меня достанет. Какой же он хороший! Как чудно горят его черные очи! Как любо говорит он: Парасю, голубко! Как пристала к нему белая свитка! Еще бы пояс поярче!.. Пускай уже, правда, я ему вытку, как перейдем жить в новую хату...

Тут встала она, держа в руках зеркальце, и, наклонясь к нему головою, трепетно шла по хате...

...И начала притопывать ногами, все чем далее, смелее, наконец левая рука ее опустилась и уперлась в бок, и она пошла танцевать, побрякивая подковами, держа перед собою зеркало и напевая любимую песню...

Черевик заглянул в это время в дверь и, увидя дочь свою танцующей перед зеркалом, остановился. <...> Громкий хохот кума заставил обоих вздрогнуть.

— Вот хорошо, батька с дочкой затеяли здесь сами свадьбу! Ступайте же скорее: жених пришел!

При последнем слове Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ее голову, а беспечный отец ее вспомнил, зачем пришел он.

— Ну, дочка! Пойдем скорей! Хивря с радости, что я продал кобылу, побежала, — говорил он, боязливо оглядываясь по сторонам, — побежала закупать себе плахт¹ и дерюг всяких, так нужно до приходу ее все кончить.

Не успела Параска переступить за порог хаты, как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке, который с кучею народа выжидал ее на улице.

— Боже, благослови! — сказал Черевик, складывая им руки. — Пусть их живут, как венки вяют!

Тут послышался шум в народе:

— Я скорее тресну, чем допущу до этого! — кричала сожительница Солопия, которую, однако ж, с хохотом отталкивала толпа народа.

— Не бесись, не бесись, жинка! — говорил хладнокровно Черевик, видя, что пара дюжих цыган овладела ее руками. — Что сделано, то сделано, я переменять не люблю!

— Нет! Нет! Этого-то не будет! — кричала Хивря, но никто не слушал ее, несколько пар обступило новую пару и составили около нее непроницаемую танцующую стену.

¹ *Плахта* — отрез ткани.

Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все несло. Все танцевало.

Вопросы и задания

I. Как вы поняли произведение Н. В. Гоголя и что вас в нем заинтересовало?

1. Где происходят основные события, описанные в повести?
2. Что явилось причиной волнения людей на ярмарке?
3. Как удалось молодому парубку заполучить в невесты красавицу Параску?

II. Поразмышляем над прочитанным

1. Перечитайте описание воза (телеги) и его седоков. Какие впечатления сложились у вас о хозяине, его жене и дочери?
2. Какие части можно выделить в повести? Озаглавьте каждую из них.
3. Проследите, как шел к достижению своей цели Грицько. Прав ли был он, когда решил воспользоваться слухами о нечистой силе?

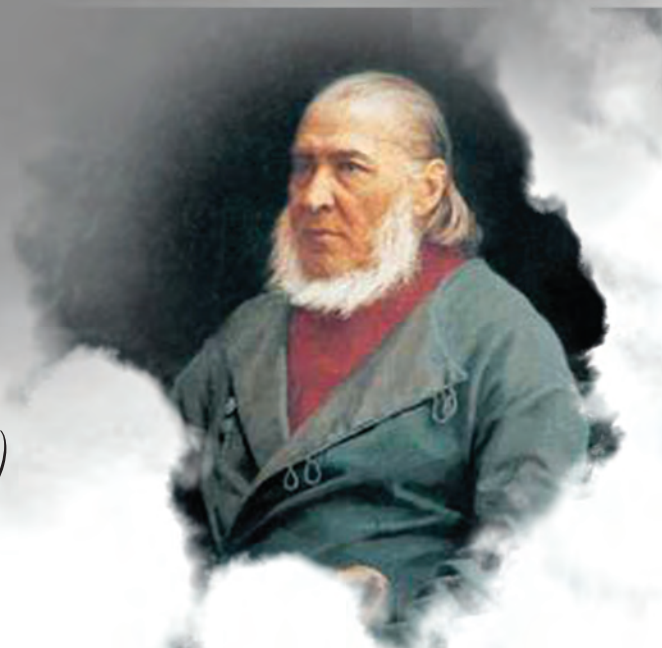
III. Будьте внимательны к художественному слову

1. В начале II главы сельская ярмарка сравнивается с водопадом. Найдите слова и выражения, которые передают это сходство.
2. Выделите описания внешности (лица, одежды, фигуры) молодых героев повести. Можно ли утверждать, что писатель любит красоту своих героев?
3. Какие слова и выражения, по-вашему, можно отнести к украинизмам, т. е. характерным для украинского народа?
4. Подготовьте художественный пересказ одного из эпизодов, например: «Ай да дивчина!» (первая встреча Грицько с Параской), «Странное происшествие на ярмарке».
5. Подготовьте чтение в лицах одного из диалогов. Обратите внимание, как ведут себя герои, как они выглядят.

IV. Развитие речи

Составьте рассказ на тему: «Это ярмарки краски...», «Дары узбекской земли» (Об осенних ярмарках в Узбекистане).

*Сергей
Шимофеевич
Аксаков
(1791–1859)*

С.Т. Аксаков родился в Уфе, в небогатой, но старинной дворянской семье. Детские годы Аксаков провел в дедовском имении, в радостном ощущении широкого раздолья степных просторов. Он унаследовал от отца живую поэтическую страсть к общению с природой. Лодка, удочка, а вскоре и ружье начинают заполнять не только досуг, но почти всю жизнь мальчика.

Годы учебы были связаны у Аксакова с Казанью: сначала гимназия, а затем — университет. Еще в гимназические годы Аксаков оказался в центре кружка молодых людей, проявлявших живой интерес к искусству — театру и литературе. В университете же Аксаков был организатором самодеятельного театра, его первым «директором».

Не меньшим было увлечение гимназистов и студентов литературным творчеством. Студенты сами издавали рукописные журналы. Каждый номер «Журнала наших занятий» (так назывался один из них) открывался эпиграфом, сочиненным Аксаковым: «Многие пишут для славы, мы пишем для удовольствия; приятная улыбка на устах наших товарищей и друзей — есть для нас драгоценный венок награды».

После окончания университета Аксаков переехал в Петербург, где он работал переводчиком на «государственной службе» в «Комиссии составления законов», а позже он был определен в «Экспедицию о государственных доходах». Скудная канцелярская работа раздражала и огорчала Аксакова, и в 1819 году он подал прошение об отставке.

С этого времени начинается литературный период жизни Аксакова. Он пишет стихи, занимается переводами (в основном переводит драматические произведения зарубежных авторов — Софокла, Мольера).

Надо сказать, что литературную деятельность Аксаков совмещает с воспитанием детей, охотой, рыбной ловлей, чтением, периодически меняя ружье или удочку на перо.

В 1821 году Аксакова избрали в действительные члены «Общества любителей российской словесности».

Последующие годы жизни были связаны у Аксакова не только с литературной, но и педагогической деятельностью. В 30-е годы он работал инспектором училища, а затем директором института. Директорство Аксакова оставило добрые воспоминания в памяти воспитанников института. Он придавал большое значение расширению кругозора воспитанников, руководил их домашним чтением. «Кто хочет научиться, — писал он сыну Григорию, — тот научится везде — худы или хороши будут его учителя. Мало того, чтобы выучить заданное на память приказание — надобно **желать образования**, искать его везде, не пропускать случая нигде, и тогда успехи будут верны».

Крупным событием литературной биографии Аксакова в 30-е годы явился его очерк «Буря». Этот очерк ознаменовал рождение в Аксакове художника-реалиста. Картина разбушевавшейся природы показана с замечательной силой поэтической выразительности. Аксаковское описание бураны стало образцом пейзажной живописи в русской литературе.

В 1839 году С. Т. Аксаков сближается с Н. В. Гоголем, и это знакомство переходит затем в долготлетнюю дружбу, продолжавшуюся до самой смерти Гоголя.

Гоголь с пристальным вниманием слушал рассказы Аксакова о природе степного Заволжья и тамошней жизни, он постоянно побуждал его взяться за перо, чтобы написать свои воспоминания.

Как бы в исполнение этого обещания появились одна за другой книги С. Т. Аксакова «Записки об уженье», «Записки ружейного охотника» и «Воспоминания».

Гоголь, Некрасов, Тургенев горячо приветствовали эти книги, в которых замечательно изображены картины природы, жизнь рыб, птиц. Но помимо исключительной любви к природе, помимо глубокой наблюдательности, книги эти написаны первоклассным художником слова.

Один из современников Аксакова вспоминал, что «...для С. Т. Аксакова было нестерпимо употребить неверное слово или прилагательное, не свойственное предмету, о котором он говорил, и не выражающее его. Он чувствовал неверность выражения, как какую-то обиду, нанесенную самому предмету, и как какую-то неправду в отношении к своему собственному впечатлению и успокаивался только тогда, когда находил настоящее слово».

Необычайная свежесть, простота и глубокая наблюдательность автора как бы вводят читателя — и взрослого и ребенка — в сокровенную жизнь природы, заставляют вслушаться и в ропот весенних ручьев, и в чистые голоса птиц, почувствовать скрытую жизнь леса, отметить удивительные по своей красоте укромные уголки и широкие просторы родины.

Самые значительные произведения С. Т. Аксакова — «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». В этих книгах, Аксаков, наряду с замечательными картинами природы, показал картину тяжелого подневольного труда крестьян, сумев пробудить в читателе сочувствие к простому человеку.

Имя Сергея Тимофеевича Аксакова занимает почетную страницу в истории русской литературы.

Вопросы и задания

1. С кем из писателей-современников был близок С. Т. Аксаков?
2. Что говорил Аксаков о важности учения? Объясните смысл слов: «Надобно желать образования».
3. Прочтите строки об отношении Аксакова к слову в художественном произведении. Можно ли судить по этому высказыванию о том, что мастерство писателя основывается не только на таланте, но и на большом труде в поисках точного, яркого слова?

ОЧЕРК ЗИМНЕГО ДНЯ

В 1813 году с самого Николина дня¹ установились трескучие декабрьские морозы, особенно с зимних поворотов, когда, по народному выражению, солнышко пошло на лето, а зима на мороз. Стужа росла с каждым днем, и 29 декабря ртуть застыла и опустилась в стеклянный шар.

Птица мерзла на лету и падала на землю уже окоченелою. Вода, взброшенная вверх из стакана, возвращалась оледенелыми брызгами и сосульками, а снегу было очень мало, всего на вершок, и неприкрытая земля промерзла на три четверти аршина².

Врывая столбы для постройки рижного³ сарая, крестьяне говорили, что не запомнят, когда бы так глубоко промерзала земля, и надеялись в будущем году на богатый урожай озимых хлебов.

Воздух был сух, тонок, жгуч, пронзителен, и много хворало народу от жестоких простуд и воспалений; солнце вставало и ложилось с огненными ушами, и месяц ходил по нему, сопровождаемый крестообразными лучами; ветер совсем упал, и целые вороха хлеба оставались невеянными, так что и деваться с ними было некуда.

¹ *Николин день* — церковный праздник, справлявшийся 6 декабря по старому стилю.

² *Аршин* — мера длины, равная 71,12 см.

³ *Рижный* — постройка для сушки снопов хлеба, сарай.

С трудом пробивали пешнями¹ и топорами проруби на пруду; лед был толщиною с лишком в аршин, а когда доходили до воды, то она, сжатая тяжело ледяною коркою, била, как из фонтана, и тогда только успокаивалась, когда широко затопляла прорубь, так что для чищения ее надобно было подмащивать мостки.

Великолепен был вид зимней природы. Мороз выжал влажность из древесных сучьев и стволов, и кусты, и деревья, даже камыши и высокие травы опушились блестящим инеем, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая их только холодным блеском алмазных огней.

Красны, ясны и тихи стояли короткие зимние дни, похожие как две капли воды один на другой, а как-то невесело, беспокойно становилось на душе, да и народ приуныл.

Болезни, безветрие, бесснежие, и впереди бескормица для скота. Как тут не приуныть? Все молились о снеге, как летом о дожде, и вот, наконец, пошли косички по небу, мороз начал сдавать, померкла ясность синего неба, потянул западный ветер, и пухлая белая туча, незаметно надвигаясь, заволокла со всех сторон горизонт.

Как будто сделав свое дело, ветер опять утих, и благодатный снег начал прямо, медленно большими клочьями опускаться на землю.

Радостно смотрели крестьяне на кружившие в воздухе пушистые снежинки, которые, опускались на землю.

Снег начал идти с деревенского раннего обеда, шел беспрестанно, час от часу гуще и сильнее.

Я всегда любил смотреть на тихое падение снега. Чтобы вполне насладиться этой картиной, я вышел в поле, и чудное зрелище представилось глазам моим: все безграничное пространство вокруг меня представляло вид снежного потока, будто небеса расступились, рассыпались снежным пухом и наполнили весь воздух движением и поразительной тишиной.

¹ *Пешня* — вид лома для пробивания проруби.

Наступали длинные зимние сумерки; падающий снег начал закрывать все предметы и белым мраком одевал землю.

Я воротился домой, но не в душную комнату, а в сад и с наслаждением ходил по дорожкам, осыпaeмый снежными хлопьями. Засветились огоньки в крестьянских избах, и бледные лучи легли поперек улицы; предметы смешались, утонули в потемневшем воздухе.

Я вошел в дом, но и там долго стоял у окошка, стоял до тех пор, покуда уже нельзя было различить опускающихся снежинок...

«Какая пороша будет завтра! — подумал я. — Если снег к утру перестанет идти, где малик¹ — там и русак...» И охотничьи заботы и мечты овладели моим воображением. Я особенно любил следить русаков, которых множество водилось по горам и оврагам, около хлебных крестьянских гумен.

Я с вечера приготовил все охотничьи припасы и снаряды; несколько раз выбегал посмотреть, идет ли снег и, убеждаясь, что он идет по-прежнему, так же сильно и тихо, так же ровно устилая землю, с приятными надеждами лег спать.

Длинна зимняя ночь и особенно в деревне, где ложатся рано: бока пролежишь, дожидаясь белого дня. Я всегда просыпался часа за два до зари и любил встречать без свечки зимний рассвет. В этот день встал еще ранее и сейчас пошел узнать, что делается на дворе.

На дворе была совершенная тишина. Воздух стал мягок, и, несмотря на двенадцатиградусный мороз, мне показалось тепло. Высыпались снежные тучи, и только изредка какие-то запоздавшие снежинки падали мне на лицо.

В деревне давно проснулась жизнь: во всех избах светились огоньки и топились печи, а на гумнах, при свете пылающей соломы, молотили хлеб. Гул речей и стук цепов с ближних овинов² долетал до моего слуха.

¹ Малик — заячий след на снегу.

² Овин — большой сарай, где хранится сено.

Я засмотрелся, заслушался и не скоро воротился в свою теплую комнату. Я сел против окошка на восток и стал дожидаться света; долго нельзя было заметить никакой перемены.

Но белый день вступил в свои права, и освещение от топящейся печки постепенно исчезало. Как хорошо, как сладко было на душе! Спокойно, тихо и светло! Какие-то неясные, полные неги, теплые мечты наполняли душу...

— Лошади готовы: пора, сударь, ехать! — раздался голос Григория Васильева, моего товарища по охоте и такого же страстного охотника, как я.

Этот голос возвратил меня к действительности. Разлетелись сладкие грезы! Русачьи малики зарыбились перед моими глазами. Я поспешно схватил со стены мое любимое ружье, моего неизменного испанца...¹

Вопросы и задания

1. В чем видит писатель красоту зимней природы?
2. Как описана картина раннего зимнего утра?
3. Почему крестьянин с радостью встречает снег?
4. Как описаны автором охотничьи заботы и мечты?
5. Опишите картину зимней природы местности (города, села), где вы живете.

ОСЕНЬ

Я люблю осень даже самую позднюю, но не ту, которую любят все.

Я люблю не морозные, красные, почти от утра до вечера ветреные дни; я люблю теплые, серые, тихие и, пожалуй, дождливые дни.

Мне противна резкость раздражительного сухого воздуха, а мягкая влажность, даже сырость атмосферы мне приятна;

¹ *Неизменного испанца* — автор имеет в виду ружье работы испанского ружейного мастера.

от дождя же, разумеется не проливного, всегда можно защититься неудобопромокаемым платьем, зонтиком, ветвями куста или дерева...

Осень, глубокая осень! Серое небо, низкие, тяжелые, влажные облака; голы и прозрачны становятся сады, рощи и леса. Все видно насквозь в самой глухой древесной чаще, куда летом не проникал глаз человеческий.

Старые деревья давно облетели, и только молодые отдельные березки сохраняют еще свои увядшие желтоватые листья, блистающие золотом, когда тронут их косые лучи невысокого осеннего солнца.

Ярко выступают сквозь красноватую сеть березовых ветвей вечнозеленые, как будто помолодевшие ели и сосны, освеженные холодным воздухом, мелкими, как пар, дождями и влажными ночными туманами.

Если тихо в воздухе, то слышны на большом расстоянии осторожные прыжки зайца и белки и всяких лесных зверьков, легко различаемые опытным и чутким ухом зверолова.

Синицы всех родов, не улетающие на зиму, кроме синицы придорожной, которая скрылась уже давно, пододвинулись к жилью человеческому, особенно синица московка, называемая в Петербурге новгородской синицей, в Оренбургской же губернии — беском.

Еще не улетевшие дрозды, с чоканьем и визгами собравшись в большие стаи, летают в сады и уремы¹, куда манят их ягоды бузины, жимолости и еще более красные кисти рябины и калины. Любимые ими ягоды черемухи давно высохли и свалились, но они не пропадут даром: все будут подобраны с земли жадными гостями.

Вот шумно летит стая черных дроздов — и прямо в парк. Одни рассядутся по деревьям, а другие спустятся на землю и распрыгаются во все стороны.

¹ *Урема* — лес и кусты, растущие около рек по таким местам, которые заливаются водой.

Сначала притихнут часа на два, втихомолку удовлетворяют свой голод, а потом, насытись, набив свои зобы, соберутся в кучу, усядутся на нескольких деревьях и примутся петь, потому что это певчие дрозды.

Река приняла особенный вид, как будто изменилась, выпрямилась в своих изгибах, стала гораздо шире, потому что вода видна сквозь голые сучья наклонившихся ольховых ветвей и безлистные прутья береговых кустов, а еще более потому, что пропал от холода водяной цвет и что прибрежные водяные травы, побитые морозом, завяли и опустились на дно.

В реках, озерах и прудах, имеющих глинистое и особенно песчаное дно, вода посветлела и стала прозрачна как стекло, но реки и речки, припруженные, текущие медленно, получают голубовато-зеленый, неприятный, как будто мутный цвет, впрочем, это оптический обман, вода в них совершенно светла, но дно покрыто осевшею зеленью, мелким мхом или коротеньким водяным шелком — и вода получает зеленоватый цвет от своей подкладки, точно как хрусталь или стекло, подложенное зеленой фольгой, кажется зеленым.

Вот такую-то осень люблю я не только как охотник, но как страстный любитель природы во всех ее разнообразных изменениях.

Вопросы и задания

1. Какие ощущения испытывает автор в осеннюю погоду? Что ему приятно, а что раздражает?
2. Что вы узнали о поведении птиц осенью?
3. Найдите в тексте описание осенней реки. Почему автор пишет, что «река приняла особенный вид»?
4. Расскажите о ваших личных наблюдениях за изменениями природы осенью.

*Иван Саввич
Никитин
(1824–1861)*

Русский поэт Иван Саввич Никитин родился в городе Воронеже в небогатой семье. Дом Никитиных стоял на берегу реки. Тишина, красота, могучая сила природы полюбили Ивану Саввичу с детства.

Никитин рано пристрастился к чтению, едва узнав от своего первого учителя, сапожника по профессии, что такое грамота. Еще раньше, когда летними ночами убегал к старику караульщику слушать сказки, полюбил природу. Она не только спасала юношу от постылой действительности, но и пробуждала дремавшую в нем потребность творчества.

В 1849 году он отправил в «Воронежские губернские ведомости» (название журнала) два стихотворения, подписанные инициалами, и только неуверенность в собственных силах помешала тогда их опубликованию: сочинитель так и не откликнулся на призыв редакции назвать свою фамилию.

Позже, в 1853 году, посылая в тот же журнал свои новые стихотворения, Никитин в сопроводительном письме говорит: «Я здешний мещанин. Не знаю, какая непостижимая сила влечет меня к искусству, в котором, может быть, я ничтожный ремесленник! Какая непонятная власть заставляет меня слагать задумчивую песнь в то время, когда горькая

действительность окружает жалкою прозою мое одинокое, незавидное существование!..»

Печатным первенцем Никитина явилась знаменитая «Русь». И. А. Бунин вспоминает, как нравилось ему в детстве декламировать распевные никитинские стихи:

*Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.
И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.*

У Никитина есть немало замечательных строк о родине, которые хочется назвать не иначе как объяснением в любви, эта любовь заполнила все его существо.

*Глядишь вокруг — и на душе легко,
И зреет мысль так вольно, широко,
И сладко песнь в честь родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется,
И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! Здесь край моих отцов!».*

Воронеж, воронежская земля — колыбель поэта. За свою недолгую жизнь он лишь однажды отлучился за пределы губернии, когда летом 1860 года совершил поездку в Москву и Петербург. Остальное время Никитин пребывал в городе или ближних уездах. Картины, которые он здесь наблюдал, давали обильный материал для широких художественных обобщений.

Широко известно стихотворение Никитина «Утро», наполненное запоминающимися пейзажными зарисовками.

Известный поэт Михаил Исаковский был поражен поэтическим изображением утра. Горячий поклонник никитин-

ской музыки, он размышляет в статье «О предмете поэзии»: «Но ведь я же это утро видел и сам. Почему же я не мог написать о нем столь же хорошо, столь же поэтически убедительно? Да потому, что я не мог приподнять его. Оно для меня сливалось со всем остальным, и оно мне поэтому казалось не стоящим внимания. А вот нашелся человек, который как бы выделил это утро и приподнял его, и оно заиграло для меня всеми красками. Он как бы заново открыл для меня это утро...»

Стихотворения Никитина обещают вдумчивому читателю множество таких открытий.

Но, воспевая родную землю, поэт с болью говорил в своих стихах о тяжелой жизни народа, о его горькой доле. Названия таких стихотворений говорят сами за себя: «Деревенский бедняк», «Нищий», «Нужда». Народный поэт печалился, что крестьянские дети живут в дымных темных домишках-избенках, плохо одеты, «растут в грязи и нищете».

Никитин мечтал о счастливом для народа времени, когда крестьяне будут свободными.

Никитинские образы живы в памяти народа, так как в них отразилась правда жизни и душа честного поэта.

ЛЕС

Шуми, шуми, зеленый лес!
Знаком мне шум твой величавый,
И твой покой, и блеск небес
Над головой твоей кудрявой.
Я с детства понимать привык
Твое молчание немое
И твой таинственный язык
Как что-то близкое, родное.
Как я любил, когда порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорил с сильною грозой
В минуты страшной непогоды,

Когда больших твоих дубов
Вершины темные качались,
И сотни разных голосов
В твоей глуши перекликались...
Или когда светило дня
На дальнем западе сияло,
И ярким пурпуром огня
Твою одежду освещало.
Меж тем в глуши твоих дерев
Была уж ночь, а над тобою
Цепь разноцветных облаков
Тянулась пестрою грядою.
И вот я снова прихожу
К тебе с тоской моей бесплодной,
Опять на сумрак твой гляжу,
И голос слушаю свободный.
И может быть в твоей глуши,
Как узник, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной.

(1849)

Вопросы и задания

1. В каких строках выражена любовь поэта к лесу?
2. В какие минуты и мгновенья лес для поэта особенно привлекателен?
3. Что чувствует поэт, входя под своды темных вершин деревьев?
4. Подберите эпитеты и определения (авторские и свои) к следующим существительным:

шум —

язык —

голова —

краса —

5. Подберите репродукции картин или фотографии с изображением леса. Составьте по ним рассказ-описание.

*Алексей
Константинович
Толстой
(1817–1875)*

* * *

Д.

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжелый?
Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубясь над водою,
Бежит дымок синеющей струею.

Туда, туда всем сердцем я стремлюся,
Туда, где сердцу было так легко,
Где из цветов плетет венок Маруся,
О старине поет слепой Грицко,
И парубки, кружась на пожне¹ гладкой,
Взрывают пыль веселою присядкой!
<...>

¹ *Пожня* — земля после скошенной травы.

Ты знаешь край, где утром в воскресенье,
Когда росой подсолнечник блестит,
Так звонко льется жаворонка пенье,
Стада блеят, а колокол гудит,
И в божий храм, увенчаны цветами,
Идут казачки пестрыми толпами?

<...>

Ты знаешь край, где Сейм¹ печально воды
Меж берегов осиротело льет,
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою?..
Туда, туда стремлюся я душою...

КОЛОКОЛЬЧИКИ МОИ...

Колокольчики мои,
 Цветики степные!
Что глядите на меня,
 Темно-голубые?
И о чем звените вы
 В день веселый мая,
Средь некошенной травы
 Головой качая?
Конь несет меня стрелой
 На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
 Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
 Цветики степные!
Не кляните вы меня,
 Темно-голубые!

¹ *Сейм* — название реки.

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю:
Конь несет меня лихой, —
А куда? Не знаю!

<...>

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

*Петр Андреевич
Вяземский
(1792–1878)*

Д.

СТЕПЬЮ

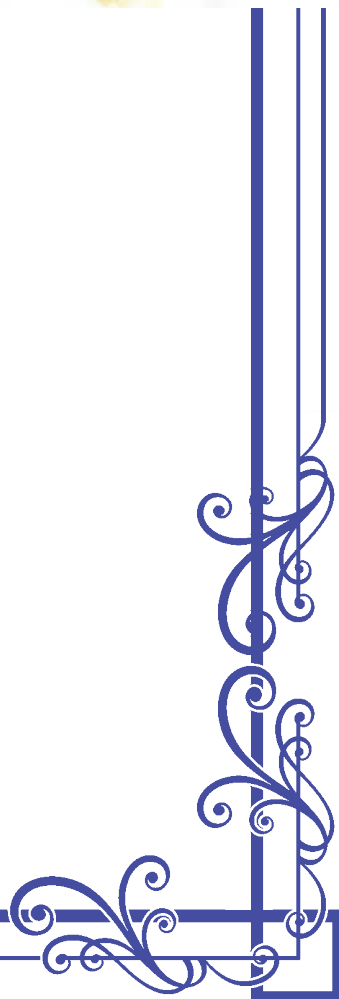
Бесконечная Россия
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем;
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.

Степь широко на просторе
Поперек и вдоль лежит,
Словно огненное море
Зноем пышет и палит.

Цепенеет воздух сжатый,
Не пахнёт на душный день
С неба ветерок крылатый,
Ни прохлады тучки тень.

Небеса, как купол медный,
Раскалились. Степь гола.
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.

С кровли аист долгоногой
Смотрит, верный домосед, —

Добрый друг семьи убогой,
Он хранит ее от бед.

<...>

Степи голые, немые,
Все же вам и песнь и честь!
Все вы — матушка Россия,
Какова она ни есть.

(1849)

Стихотворения, рекомендуемые для самостоятельного чтения
Н.П. Огарев — «Дорога», И.С. Никитин — «Вечер ясен и тих»,
А.А. Фет — «Чудесная картинка», С. Есенин — «Закружилась
листва золотая», Б. Пастернак — циклы стихов «Весна», «Нескуч-
ный сад», А. Твардовский — «Весенние строчки» и др.

О ТРЕХСЛОЖНЫХ РАЗМЕРАХ СТИХА

Вы уже познакомились с двусложными размерами стиха.
Существуют и трехсложные размеры. Они отличаются от хо-
рея и ямба тем, что в их стопе не два, а три слога.

Вот строки из стихотворения П.А. Вяземского «Зима»:

*Но по́здняя о́сень настанёт:
Приро́да состари́тся вдру́г;
С днем ка́ждым все вянет, все вянет,
И но́ет в ней та́йный недуг.*

Схема этого стихотворения такова:

— ' — — ' — — ' — — '
— ' — — ' — — ' — — '

Как видим, здесь повторяются группы из трех слогов:
безударный, ударный, безударный, т. е. ударным является
второй слог. Такой трехсложный размер называется **амфи-
брахией**.

Рассмотрим строки лермонтовского стихотворения «Тучи».

*Ту́чки небёсные, вёчные stráнники!
Стёпью лазу́рною, це́пью жемчу́жною
Мчи́тесь вы, бу́дто как я же, изгна́нники
С ми́лого се́вера в сто́рону ю́жную.*

Расставим ударения и изобразим схему:

‘ — — ‘ — — ‘ — — ‘ — —
‘ — — ‘ — — ‘ — — ‘ — —

Ударение падает на первый слог, а за ним следуют два безударных слога. Трехсложный размер с ударением на первом слоге называется **дактилем**.

И еще один пример: стихотворение Н.А. Некрасова «Тройка».

*Что так жа́дно гляди́шь на доро́гу
В сторо́не от весе́лых подро́г?
Зна́ть, заби́ло серде́чко трево́гу —
Все ли́цо твоё вспы́хнуло вдро́гу.*

Схема этого размера:

— — ‘ — — ‘ — — ‘ — —
— — ‘ — — ‘ — — ‘ — —

В этой стопе, состоящей из трех слогов, ударный слог третий. Это — **анapest**.

Таким образом, **дактиль** — это трехсложная стопа с ударением на первом слоге (‘ — —); **амфибрахий** — трехсложная стопа с ударением на втором слоге (— ‘ —); **анapest** — трехсложная стопа с ударением на третьем слоге (— — ‘).

Вопросы и задания

1. Назовите двусложные и трехсложные размеры стиха. Составьте схемы этих стихотворных размеров.

2. Определите стихотворный размер произведений А. С. Пушкина «Осень» («Уж небо осенью дышало»), «Песнь о вещем Олеге», М. Ю. Лермонтова «Три пальмы», «Парус», стихотворений И. Никитина, А. К. Толстого (по вашему выбору).

Константин
Михайлович
Станюкович
(1843–1903)

... И все еще идет полным ветром его корабль под белыми парусами, чистыми и незапятнанными, как чиста и незапятнана была совесть этого примечательного русского писателя.

Л. Соболев

Константин Михайлович Станюкович родился и вырос в Севастополе: бухты и белые домики, ... запах копченой скумбрии и смоленых канатов, корабельные силуэты, волшебные возникающие на рассвете и исчезающие вместе с вечерней зарей, оставляя южной ночи тихое мерцание своих фонарей.

Его отец был моряком с головы до пят. Мать происходила из семьи Митьковых — фамилии, известной во флотских летописях...

Станюкович-старший отличался крутостью нрава. На трехмачтовом шлюпе он прошел три океана. Ему случалось десятки суток кряду нести паруса без единой якорной стоянки...

Ничего удивительного не было в том, что на севастопольского мальчика надели кадетскую куртку. Воспитанник Морского корпуса, окнами глядящего на державную Неву, он уже «числился по флоту».

Удивительно другое, накануне выпуска кадет Станюкович оговорил адмирала Станюковича отказом от военной

карьеры. Не угодно ли? Кадет желает променять корпус на университет! Топографически дистанция краткая — тот же Васильевский остров. Но, черт дери, какова дистанция — потомственный офицер флота и гражданская штафирка!¹ Старик задохнулся от гнева. Он пустил в ход давние связи: гнать ослушника в дальнее плавание. Авось океанские штормы вытряхнут дурь-то.

Было по сему.

Корвет «Калевала» унес бунтаря за тридевять земель. Кадет Станюкович обогнул мыс Доброй Надежды, пересек Индийский океан, увидел джунгли острова Ява... В жарком поясе подкосила тропическая лихорадка. Он лежал в лазарете маленького военного поста с громким именем и славным будущим — Владивосток... И опять вздымался вал отнюдь не тихого, но действительно великого океана: паровой транспорт «Японец», шхуна «Пурга», клипер «Абрек». Клипер «Гайдамак» ходил у берегов Индокитая, Станюкович видел Сайгон тех черных дней, когда упрочивалась власть колонизаторов-французов, и это называлось, как горько пронизировал Станюкович, «цивилизацией, внесением света дикарям».

Там, в дальневосточных водах, кадета произвели в гардемарины, оставался шаг до офицерских эполет.

Между тем, на другом конце света, в Петербурге, адмиралтейская типография набирала его очерк «Жизнь в тропиках». Первый, но не последний, появившийся в журнале «Морской сборник»...

Очерки гардемарина Станюковича редакция потому и принимала, что явственен был голос гуманиста...

...Уповал, очевидно, Станюкович-старший на смирение Станюковича-младшего. Вот ведь произведен в мичманы, назначен во флотский экипаж, квартирующий в столице. Служи, брат, Андреевскому флагу.

¹ *Гражданская штафирка* — гражданская служба.

Служил тринадцать месяцев. И подал в отставку.

Не океанские течения, означенные на штурманских картах, увлекли офицера 11-го флотского экипажа, а течения общественные...

Ю. Давыдов

Из вступительной статьи

«Смена пришла, ветеран не ушел...»

к книге К. М. Станюковича «Морские рассказы»

«ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!»

I

Жара тропического дня начинала спадать. Солнце медленно катилось к горизонту.

Подгоняемый нежным пассатом, клипер нес всю парусину и бесшумно скользил по Атлантическому океану, узлов по семи. Пусто кругом: ни паруса, ни дымки на горизонте! Куда ни взглянешь, все та же безбрежная водяная равнина, слегка волнующаяся и рокочущая каким-то таинственным гулом, окаймленная со всех сторон прозрачной синевой безоблачного купола. Воздух мягок и прозрачен; от океана несет здоровым морским запахом.

Пусто кругом.

Изредка разве блеснет под лучами солнца яркой чешуйкой, словно золотом, перепрыгивающая летучая рыбка, высоко в воздухе прореет белый альбатрос, раздастся шум водяной струи, выпускаемой китом, и опять ни одного живого существа вокруг. Океан да небо, небо да океан — оба спокойные, ласковые, улыбающиеся.

— Дозвольте, ваше благородие, песенникам песни петь? — спросил вахтенный унтер-офицер, подходя к офицеру, лениво шагающему по мостику.

Офицер утвердительно махнул головой, и через минуту стройные звуки деревенской песни, полной шири и грусти, разнеслись среди океана.

Довольные, что после дневной истомы наступила прохлада, матросы толпятся на баке, слушая песенников, собравшихся у баковой пушки. <...> Некоторые матросы тихонько подтягивают; другие, рассевшись по кучкам, вполголоса разговаривают, выражая по временам одобрение то улыбкой, то восклицанием.

И в самом деле, хорошо поют наши песенники! Голоса в хоре подобрались все молодые, свежие и чистые и спелись отлично. Особенно приводил всех в восторг превосходный бархатный тенорок подголоска Шутикова. Этот голос выделялся среди хора своей красотой, забираясь в самую душу чарующей искренностью и теплотой выражения.

— За самое нутро хватает, подлец, — говорили про подголоска матросы.

Песня лилась за песнью, напоминая матросам, среди тепла и блеска тропиков, далекую родину с ее снегами и морозами, полями, лесами и черными избами, с ее близкими сердцу бездолем и убожеством...

— Вали плясовую, ребята!

Хор грянул веселую плясовую. Тенорок Шутикова так и заливался, так и звенел теперь удальством и весельем, вызывая невольную улыбку на лицах и заставляя даже солидных матросов поводить плечами и притопывать ногами.

Наконец пение и пляска кончились. Когда Шутиков, сухощавый стройный чернявый матрос, вышел из круга и пошел курить к кадке, его провожали одобрительными замечаниями.

— И хорошо же ты поешь, ах хорошо, пес тебя ешь! — заметил растроганный Лаврентьич, покачивая головой и прибавляя в знак одобрения непечатное ругательство.

— Уж что и толковать. Он у нас на все руки. Одно слово... молодца Егорка!.. — заметил кто-то.

В ответ на одобрения Шутиков только улыбался, скаля белые ровные зубы из-под добродушных пухлых губ.

И эта довольная улыбка, ясная и светлая, как у детей, стоявшая в мягких чертах молодого, свежего лица, подернутого краской загара, и эти большие темные глаза, кроткие и ласковые, как у щенка, и аккуратная, подобранная сухощавая фигура, крепкая, мускулистая и гибкая, не лишенная, однако, крестьянской мешковатой складки, — все в нем притягивало и располагало к себе с первого же раза, как и чудный его голос. И Шутиков пользовался общей приязнью. Все любили его, и он всех, казалось, любил.

<...> Редко когда видели Шутикова сердитым или печальным. Веселое настроение не покидало его и тогда, когда другие готовы были упасть духом, и в такие минуты Шутиков был незаменим.

Помню я, как однажды мы штормовали. Ветер ревел жестокий, кругом бушевала буря, и клипер, под штормовыми парусами, бросало, как щепку, на океанском волнении, готовом, казалось, поглотить в своих седых гребнях утлое суденышко. <...> Даже старики матросы, выдавшие всякие виды, угрюмо молчали, пытливо посматривая на мостик, где словно приросла к поручням высокая, закутанная в дождевик, фигура капитана, зорко вглядывавшегося на беснующуюся бурю.

А Шутиков в это время, придерживаясь одною рукою за снасти, чтоб не упасть, занимал небольшую кучку молодых матросов, с испуганными лицами прижавшихся к мачте, посторонними разговорами. Он так спокойно и просто «лясничал», рассказывая про какой-то забавный деревенский случай, и так добродушно смеялся, когда долетавшие брызги волн попадали ему в лицо, что это спокойное настроение невольно передавалось другим и одобряло молодых матросов, отгоняя всякую мысль об опасности.

— И где это ты, дьявол, насобачился так ловко горло драть? — снова заговорил Лаврентьич, подсасывая носогрейку с махоркой... — Пел у нас на «Костенкине» один матросик, надо правду сказать, что форменно, шельма, пел...

— Так, самоучкой, в пастухах когда жил. Бывало, стадо разбредется по лесу, а сам лежишь под березкой и песни играешь... Меня так в деревне и прозывали: певчий пастух! — прибавил Шутиков улыбаясь.

И все почему-то улыбнулись в ответ, а Лаврентьич, кроме того, трепанул Шутикова по спине и, в виде особого расположения, выругался в самом нежном тоне, на который только был способен его испитой голос.

II

В эту минуту, расталкивая матросов, в круг торопливо вошел только что выскочивший из палубы плотный пожилой матрос Игнатов.

Бледный и растерянный, с непокрытой, коротко остриженной круглой головой, он сообщил прерывистым от злобы и волнения голосом, что у него украли золотой.

— Двадцать франкоков! Двадцать франкоков, братцы! — жалобно повторял он, подчеркивая цифру.

Это известие смутило всех. Такие дела бывали редкостью на клипере.

Старики нахмурились. Молодые матросы, недовольные, что Игнатов внезапно нарушил веселое настроение, более с испуганным любопытством, чем с сочувствием, слушали, как он, задыхаясь и отчаянно размахивая своими опрятными руками, спешил рассказать про все обстоятельства, сопровождавшие покражу: как он, еще сегодня, после обеда, когда команда отдыхала, ходил в свой сундучишко, и все было, слава богу, целехонько, все на своем месте, и как вот сейчас он пошел было за сапожным товаром — и... замок, братцы, сломан... двадцати франкоков нет...

— Это как же? Своего же брата обкрадывать? — закончил Игнатов, обводя толпу блуждающим взглядом.

Его гладкое, сытое, чисто выбритое, покрытое крупными веснушками лицо с небольшими круглыми глазами и острым, словно у ястреба, загнутым носом, отличавшееся всегда

спокойной сдержанностью и довольным степенным видом неглупого человека, понимающего себе цену, теперь было искажено отчаянием скряги, который потерял все имущество.

Недаром же Игнатов, которого некоторые матросы уж начинали почетно величать «Семенычем», был прижимистым и жадным к деньгам человеком. Он и в кругосветное плавание пошел, вызвавшись охотником и оставив в Кронштадте жену — торговку на базаре — и двоих детей, с единственной целью прикопить в плавании деньжонок, и выйдя в отставку, заняться в Кронштадте по малости торговлей. <...>

— Это бесприменно подлец Прошка, никто, как он! — закипая гневом, взволнованно продолжал Игнатов. — Даве¹ он все вертелся в палубе, когда я ходил в сундук... Что ж теперь с этим подлецом делать, братцы? — спрашивал он, обращаясь преимущественно к старикам и как бы ища их поддержки. — Неужто я так и лишусь денег?.. Ведь деньги-то у меня кровные... Сами знаете, братцы, какие у матроса деньги... По грошам собирал... чарки своей не пью... — прибавил он униженным, жалобным тоном.

Хотя никаких других улик, кроме того, что Прошка вертелся на палубе, не было, тем не менее и сам потерпевший, и слушатели не сомневались, что украл деньги именно Прошка Житин, не раз уже попадавшийся в мелких кражах у товарищей. Ни один голос не раздался в его защиту. Напротив, многие возмущенные матросы осыпали предполагаемого вора бранью.

— Эдакий мерзавец... Только срамит матросское звание... — с сердцем сказал Лаврентьич.

— Да-да... Завелась и у нас паршивая собака...

— Надо его теперь проучить, чтобы помнил, лодырь беспутный!

— Так как же, братцы? — продолжал Игнатов... — Что

¹ Даве — недавно.

с Прошкой делать?.. Ежели не отдаст он добром, я попрошу доложить старшему офицеру. Пусть по форме разберут.

Но эта приятная Игнатову мысль не нашла на баке поддержки. На баке был свой особенный, неписанный устав, строгими охранителями которого, как древле жрецы, были старые матросы.

И Лаврентьич первый энергично запротестовал.

— Это, выходит, с лепортом¹ по начальству? — презрительно протянул он. — Кляузы заводить? Забыл, видно, с перепугу матросскую правило? Эх вы... народ! — И Лаврентьич для облегчения помянул «народ» своим обычным словом. — Тоже выдумал, а еще матросом считаешься! — прибавил он, бросая на Игнатова не особенно дружелюбный взгляд.

— По-вашему как же?

— А по-нашему так же, как прежде учивали. Избей ты собачьего сына Прошку вдрызг, чтобы помнил, да отыми деньги. Вот как по-нашему.

— Мало ли его, подлеца, били! А ежели он не отдаст?.. Так, значит, и пропадать деньгам? Это за что же? Пусть уж лучше форменно засудят вора... Такую собаку нечего жалеть, братцы.

— Жаден ты к деньгам уж очень, Игнатов... Небось Прошка не все украл... Еще малость осталась? — иронически промолвил Лаврентьич.

— Считал ты, что ли!

— То-то не считал, а только не матросское это дело — кляузы. Не годится! — авторитетно заметил Лаврентьич. — Верно ли я говорю, ребята?

И все почти «ребята», к неудовольствию Игнатова, подтвердили, что кляузы заводить «не годится».

— А теперь веди сюда Прошку! Допроси его при ребятах! — решил Лаврентьич.

¹ *Лепорт* (простореч.) — рапорт, жалоба.

И Игнатов, злой и недовольный, подчинился, однако, общему решению и пошел за Прошкой.

В ожидании его матросы теснее сомкнули круг.

III

Проход Житин, или, как все пренебрежительно называли его, Прошка, был самым последним матросом. Попавший в матросы из дворовых, отчаянный трус, которого только угроза порки могла заставить подняться на марс¹, где он испытывал неодолимый физический страх, лентяй и лодырь, отлынивавший от работы и ко всему этому нечистый на руку, Прошка с самого начала плавания стал в положение какого-то отверженного пария. После нескольких мелких краж, в которых он был уличен, с ним почти не разговаривали и обращались с пренебрежением. Всякий, кому не лень, мог безнаказанно обругать его, ударить, послать куда-нибудь, поглумиться над ним, словно бы иное отношение к Прошке было немыслимо. И Прошка так, казалось, привык к этому положению загнанной, паршивой собаки, что и не ждал иного обращения и переносил всю каторжную жизнь, по-видимому, без особенной тягости, вознаграждая себя на клипере² сытной едой да дрессировкой поросенка, которого Прошка учил делать разные штуки. <...>

IV

Забравшись под баркас, Прошка сладко спал, бессмысленно улыбаясь во сне. Сильный удар ноги разбудил его. Он хотел было залезть подальше от этой непрошенной ноги, как новый пинок дал понять Прошке, что он зачем-то нужен и что надо вылезать из укромного местечка. Он выполз, поднялся на ноги и глядел на злое лицо Игнатова тупым взором, словно бы ожидая, что его еще будут бить.

¹ *Марс* — мачта.

² *Клипер* — быстроходное трехмачтовое парусное судно.

— Ступай за мной! — проговорил Игнатов, едва сдерживаясь от желания тут же истерзать Прошку.

Прошка покорно, словно виноватая собака, пошел за Игнатовым своей медленной, ленивой походкой, переваливаясь, как утка, со стороны на сторону.

<...> Когда, вслед за Игнатовым, Прошка вошел в круг, все разговоры смолкли. Матросы теснее сомкнулись, и взоры всех устремились на вора.

Для начала допроса Игнатов первым делом со всего размаха ударил Прошку по лицу.

— Признавайся, сволочь, ты у меня золотой из сундука украл?

При этих словах тупое Прошкино лицо мгновенно осветилось осмысленным выражением. Он понял, казалось, всю тяжесть обвинения, бросил испуганный взгляд на сосредоточенно-серьезные, недоброжелательные лица и вдруг побледнел и как-то весь съежился. Тупой страх исказил его черты.

Эта внезапная перемена еще более утвердила всех в мысли, что деньги украл Прошка.

Прошка молчал, потупив глаза.

— Где деньги? Куда ты их спрятал? Сказывай! — продолжал допросчик.

— Я денег твоих не брал! — тихо отвечал Прошка.

Игнатов пришел в ярость.

— Ой, смотри... до смерти изобью, коли ты добром не отдашь денег!.. — сказал Игнатов, и сказал так злобно и серьезно, что Прошка подался назад.

И со всех сторон раздались неприязненные голоса:

— Повинись лучше, скотина!

— Не запирайся, Прошка!

— Лучше добром отдай!

Прошка видел, что все против него. Он поднял голову, снял шапку и, обращаясь к толпе, воскликнул с безнадежным отчаянием человека, хватающегося за соломинку:

— Братцы! Как перед истинным богом! Хучь под присягу сичас! Разрази меня на месте!.. Делайте со мной, что вгодно, а я денег не брал!

Прошкины слова, казалось, поколебали некоторых.

Но Игнатов не дал усилиться впечатлению и торопливо заговорил:

— Не ври, подлая тварь... Бога-то оставь! Ты и тогда запырался, когда у Кузьмина из кармана франок вытащил... помнишь? А как у Левонтьева рубаху украл, тоже шел под присягу, а? Тебе, бесстыжему, присягнуть — что плюнуть...

Прошка снова опустил голову.

— Винись, говорят тебе, скорее. Сказывай, где мои деньги? Нешто я не видел, как ты около вертелся... Сказывай, бессовестный, зачем ты в палубе шнырял, когда все отдыхали? — наступал допросчик.

— Так ходил...

— Так ходил?! Эй, Прошка, не доводи до греха. Признавайся.

Но Прошка молчал.

Тогда Игнатов, словно бы желая испытать последнее средство, вдруг сразу изменил тон. Теперь он не угрожал, а просил Прошку отдать деньги ласковым, почти заискивающим тоном.

— Тебе ничего не будет... слышишь?.. Отдай только мои деньги... Тебе ведь пропить, а у меня семейство... Отдай же! — почти молил Игнатов.

— Общайте меня... Не брал я твоих денег!

— Так ты не брал, подлая душа? Не брал? — воскликнул Игнатов с побелевшим от злобы лицом. — Не брал?!

И с этими словами он, как ястреб, налетел на Прошку.

Бледный, вздрагивающий всем съежившимся телом, Прошка зажмурил глаза и старался скрыть от ударов голову.

Матросы молча хмурились, глядя на эту безобразную сце-

ну. А Игнатов, возбужденный безответностью жертвы, свирепел все более и более.

— Полно... Будет... будет! — раздался вдруг из толпы голос Шутикова.

И этот мягкий просящий голос точно сразу пробудил человеческие чувства и у других.

Многие из толпы, вслед за Шутиковым, сердито крикнули:

— Будет... будет!

— Ты прежде обыщи Прошку и тогда учи!

Игнатов оставил Прошку и, злобно вздрагивая, отошел в сторону. Прошка юркнул вон из круга. Несколько мгновений все молчали.

— Ишь ведь, какой подлец... запирается! — переводя дух, проговорил Игнатов. — Ужо погоди, как я его на берегу разделаю, коли не отдаст денег! — грозился Игнатов.

— А может, это и не он! — вдруг тихо сказал Шутиков.

И та же мысль, казалось, сказывалась на некоторых напряженно-серьезных, насупившихся лицах.

— Не он? Впервые ему, что ли?.. Это беспрерывно его дело... Вор известный, чтоб ему...

И Игнатов, взяв двух человек, ушел обыскивать Прошкины вещи.

Толпа стала расходиться.

Через несколько минут на баке¹ стало известно, что ни у Прошки, ни в его вещах денег не нашли.

— Запиртал, шельма, куда-нибудь! — решили многие и прибавляли, что теперь Прошке придется худо: Игнатов не простит ему этих денег.

V

Нежная тропическая ночь быстро спустилась над океаном.

В эту ночь, с полуночи до шести, на вахте довелось быть второму отделению, в котором были Шутиков и Прошка.

¹ *Бак* — носовая часть верхней палубы корабля.

Шутиков уж рассказал несколько сказок кучке матросов, усевшихся у фок-мачты, и отправился покурить. Выкуривши трубку, он пошел, осторожно ступая между спящими, на шканцы¹ и, разглядев в темноте Прошку, одиноко придулившегося у борта и поклевывавшего носом, тихо окликнул его:

— Это ты... Прошка?

— Я! — встрепенулся Прошка.

— Что я тебе скажу, — продолжал Шутиков тихим ласковым голосом, — ведь Игнатов, сам знаешь, человек какой... Он тебя вовсе изобьет на берегу... безо всякой жалости...

Прошка насторожился... Этот тон был для него неожиданностью.

— Что ж, пусть бьет, а я евойных денег не касался! — ответил после короткого молчания Прошка.

— То-то он не верит и, пока не вернет своих денег, тебе не простит... И многие ребята сомневаются...

— Сказано: не брал! — повторил Прошка с прежним упорством.

— Я, братец, верю, что ты не брал... Слышишь, верю, и пожалел, что тебя занапрасно давеча били и Игнатов еще грозит бить... А ты вот чего, Прошка: возьми ты у меня двадцать франков и отдай их Игнатову... Бог с ним! Пусть радуется на деньги, а мне... когда-нибудь отдашь — приневоливать не стану... Так-то оно будет аккуратней... Да, слышь, никому про это не сказывай! — прибавил Шутиков.

Прошка был решительно озадачен и не находил в первую минуту слов. Если б Шутиков мог разглядеть Прошкино лицо, то увидал бы, что оно смущено и необыкновенно взволновано. Еще бы! Прошку жалеют, и мало того, что жалеют, еще предлагают деньги, чтобы избавить его от битья. Это уж было слишком для человека, давно не слыхавшего ласкового слова.

¹ Шканцы — место для сбора команды на верхней палубе.

Подавленный, чувствуя, как что-то подступает к горлу, молча стоял он, опустив голову.

— Так бери деньги! — сказал Шутиков, доставая из кармана штанов завернутый в тряпочку весь свой капитал.

— Это как же... Ах ты господи! — растерянно бормотал Прошка.

— Эка... глупый... Сказано: получай, не кобенься!

— Получай?! А, братец! Спасибо тебе, добрая твоя душа! — отвечал Прошка дрогнувшим от волнения голосом и вдруг решительно прибавил: — Только твоих денег, Шутиков, не нужно... Я все же чувствую и не хочу перед тобой быть подлецом... Не желаю... Я сам после вахты отдам Игнатову его золотой.

— Так, значит, ты...

— То-то я! — чуть слышно промолвил Прошка... — Никто бы и не дознался.. Деньги-то в пушке запрятаны...

— Эх, Прохор, Прохор! — упрекнул только Шутиков грустным тоном, покачивая головой.

— Теперь пусть он меня бьет... Пусть всю скулу своротит. Сделай ваше одолжение! Бейте подлеца Прошку... жарь его, мерзавца, не жалей! — с каким-то ожесточенным воодушевлением против собственной особы продолжал Прошка. — Все перенесу с моим удовольствием... По крайности знаю, что ты пожалел, поверил. Ласковое слово сказал Прошке... Ах ты господи! Вовек этого не забуду!

— Ишь ведь ты какой! — промолвил ласково Шутиков и присел на пушку.

Он помолчал и заговорил:

— Слушай, что я тебе скажу, братец ты мой: брось-ка ты все эти дела... право, брось, ну их!.. Живи, Прохор, как люди живут, по-хорошему... Стань форменным матросом, чтобы все, значит, как следует... Так-то душевней будет... А то разве самому тебе сладко?.. Я, Прохор, не в укор, а жалеючи!.. — прибавил Шутиков.

Прошка слушал эти слова и находился под их обаянием. Никто, во всю его жизнь, не говорил с ним так ласково и задушевно. До сей поры его только ругали да били — вот какое было ученье.

И теплое чувство благодарности и умиления охватило Прошкино сердце. Он хотел было выразить их словами, но слова не отыскивались.

Когда Шутиков отошел, пообещав уговорить Игнатова простить Прошку, Прошка не чувствовал уж себя таким ничтожеством, каким считал себя прежде. Долго еще стоял он, посматривая за борт, и раз или два смахнул навертывавшуюся слезу.

Утром, после смены, он принес Игнатову золотой. Обрадованный матрос алчно схватил деньги, зажал их в руке, дал Прошке в зубы и хотел было идти, но Прошка стоял перед ним и повторял:

— Бей еще. Бей, Семеныч! В морду в самую дуй!

Удивленный Прошкиной смелостью, Игнатов презрительно оглядел Прошку и проговорил:

— Я разделаю бы тебя, мерзавца, начисто, кабы ты мне не отдал деньги, а теперь не стоит рук марать... Сгинь, сволочь, но только смотри... попробуй еще раз ко мне лазить... Искалечу! — внушительно прибавил Игнатов и, оттолкнув с дороги Прошку, побежал вниз прятать свои деньги.

Тем и ограничилась расправа.

VI

С той памятной ночи Прошка беззаветно привязался к Шутикову и был предан ему, как верная собака. Выражать свою привязанность открыто, при всех, он, разумеется, не решался, чувствуя, вероятно, что дружба такого отверженца унизит Шутикова в чужих глазах. Он никогда не заговаривал с Шутиковым при других, но часто взглядывал на него, как на какое-то особенное существо, перед которым он, Прошка, последняя дрянь.

<...> Всеми силами старался Прошка чем-нибудь да угодить Шутикову: то предложит ему постирать белье, то починить его гардероб, и часто отходил смущенный, получая отказ от услуг. Однажды Прошка принес щегольски сработанную матросскую рубашу с голландским передом и, несколько взволнованный, подал ее Шутикову.

— Молодец, Житин... Важная, брат, работа! — одобрительно заметил Шутиков после подробного осмотра и протянул руку, возвращая рубашу.

— Это я тебе, Егор Митрич... Уважь... Носи на здоровье.

Шутиков стал было отказываться, но Прошка так огорчился и так просил уважить его, что Шутиков, наконец, принял подарок.

Прошка был в восторге.

И лодырничать стал Прошка меньше, работая без прежнего лукавства. Бить его стали реже, но отношение к нему оставалось по-прежнему пренебрежительное, и Прошку нередко дразнили, устраивая из этой травли потеху.

Особенно любил дразнить его один из шканечных, забиячный, но трусливый молодой матрос Иванов. Как-то однажды, желая потешить собравшийся кружок, он донимал Прошку своим глумлением. Прошка, по обыкновению, отмалчивался, и Иванов становился все назойливее и безжалостнее в своих шутках.

Случайно проходивший Шутиков, увидав, как травят Прошку, вступился:

— Это, Иванов, не того... нехорошо это... Чего ты пристал к человеку, ровно смола?

— Прошка у нас не обидчивый! — со смехом ответил Иванов... — Ну-ка, Прошенька, расскажи, как ты у батюшки шильники таскал и мамзелям опосля носил... Не кочевряжься... Расскажи, Прошенька! — глумился на общую потеху Иванов.

— Не тронь, говорю, человека... — строго повторил Шутиков.

Все были удивлены, что за Прошку, за лодыря и вора Прошку, Шутиков так горячо заступается.

— Да ты чего? — окрысился вдруг Иванов.

— Я-то ничего, а ты не куражься¹... Ишь тоже нашел над кем куражиться.

Тронутый до глубины души и в то же время боявшийся, чтобы из-за него не было Шутикову неприятностей, Прошка решился подать голос:

— Иванов ничего... Он ведь так только... Шутит, значит...

— А ты съездил бы его по уху, небось перестал бы так шутить.

— Прошка бы съездил?.. — удивленно воскликнул Иванов, до того показалось ему это невероятным. — Ну-ка, попробуй, Прошка... Насыпал бы я тебе, вислоухому, в кису.

— Может, и сам бы съел сдачи.

— Не от тебя ли?

— То-то от меня! — сдерживая волнение, проговорил Шутиков, и его обыкновенно добродушное лицо было теперь строго и серьезно.

Иванов стушевался. И только когда Шутиков отошел, проговорил, насмешливо улыбаясь и указывая на Прошку:

— Однако... нашел себе приятеля Шутиков... Нечего сказать... приятель... хорош приятель, Прошка-гальюнщик!

После этого происшествия Прошку обижали меньше, зная, что у него есть заступник, а Прошка еще сильнее привязался к Шутикову и скоро доказал, на что способна привязанность его благодарной души.

VII

Это было в Индийском океане, на пути к Зондским островам.

¹ *Куражиться* — издеваться, насмешничать.

Утро в тот день стояло солнечное, блестящее, но прохладное. <...>

Был десятый час на исходе. Вся команда находилась наверху. Вахтенные стояли у своих снастей, а подвахтенные были разведены по работам. Всякий занимался каким-нибудь делом: кто оканчивал чистку меди, кто подсабливал шлюпку, кто вязал мат.

Шутиков стоял на грот-русленях¹, прикрепленный пеньковым поясом, и учился бросать лот, недавно сменив другого матроса. Вблизи от него был и Прошка. <...>

Вдруг со шканцев раздался отчаянный крик:

— Человек за бортом!

Не прошло нескольких секунд, как снова зловеший крик:

— Еще человек за бортом!

На мгновение все замерло на клипере. Многие в ужасе крестились.

Вахтенный лейтенант, стоявший на мостике, видел, как мелькнула фигура сорвавшегося человека, видел, как бросился в море другой. Сердце в нем дрогнуло, но он не потерялся. Он бросил с мостика спасательный круг, крикнув бросать спасательные буйки и с юта, и громовым взволнованным голосом скомандовал:

— Фок и грот на гитовы!²

С первым окриком все офицеры выскочили наверх. Капитан и старший офицер, оба взволнованные, уж были на мостике.

— Он, кажется, схватился за буюк! — проговорил капитан, отрываясь от бинокля. — Сигнальщик... не спускай их с глаз!..

— Есть... Вижу!

¹ *Грот-руслени* — площадка, устроенная снаружи корпуса судна на уровне палубы.

² *Фок и грот на гитовы!* — команда к уборке парусов на второй и первой мачте.

— Скорей... скорей ложитесь в дрейф¹ да спускайте баркас²! — нервно, отрывисто торопил капитан.

Но торопить было нечего. Понимая, что каждая секунда дорога, матросы рвались как бешеные. <...>

Упавших в море уже не было видно. В эти восемь минут клипер пробежал по крайней мере милю.

— Кто это упал? — спросил капитан старшего офицера.

— Шутиков. Сорвался, бросая лот... Лопнул пояс...

— А другой?

— Житин! Бросился за Шутиковым.

— Житин? Этот трус и рохля? — удивился капитан.

— Я сам не могу понять! — отвечал Василий Иванович.

Между тем все глаза были устремлены на баркас, который медленно удалялся от клипера, то скрываясь, то показываясь среди волн. Наконец он совсем скрылся от глаз, не вооруженных биноклем, и кругом был виден один волнующийся океан.

На клипере царила угрюмая тишина. Изредка лишь матросы перекидывались словами вполголоса. Капитан не отрывался от бинокля. Старший штурман и два сигнальщика смотрели в подзорные трубы.

Так прошло долгих полчаса.

— Баркас идет назад! — доложил сигнальщик.

И снова все взоры устремились на океан.

— Верно, спасли людей! — тихо заметил старший офицер капитану.

— Почему вы думаете, Василий Иванович?

— Лесовой не вернулся бы так скоро!

— Дай бог! Дай бог!

Нырять в волнах, приближался баркас. Издали он казался крошечной скорлупой. Казалось, вот-вот его сейчас захлест-

¹ *Ложитесь в дрейф* — сохранение полной неподвижности судна в результате специального маневрирования парусами.

² *Баркас* — большая гребная шлюпка.

нет волной. Но он снова показывался на гребне и снова нырял.

— Молодцом правит Лесовой! Молодцом! — вырвалось у капитана, жадно глядевшего на шлюпку.

Баркас подходил все ближе и ближе.

— Оба в шлюпке! — весело крикнул сигнальщик.

Радостный вздох вырвался у всех. Многие матросы крестились. Клипер словно ожил. Снова пошли разговоры.

— Счастливо отделались! — проговорил капитан, и на его серьезном лице появилась радостная, хорошая улыбка.

Улыбался в ответ и Василий Иванович.

— А Житин-то... трус, трус, а вот подите!.. — продолжал капитан.

— Удивительно... И матрос-то лодырь, а бросился за товарищем!.. Шутиков покровительствовал ему! — прибавил Василий Иванович в пояснение.

И все дивились Прошке. Прошка был героем минуты.

Через десять минут баркас подошел к борту и благополучно был поднят на боканцы.

Мокрые, вспотевшие и красные, тяжело дыша от усталости, выходили гребцы из баркаса и направлялись на бак. Вышли Шутиков и Прошка, отряхиваясь, словно утки, от воды, оба бледные, взволнованные и счастливые.

Все с уважением смотрели теперь на Прошку, стоявшего перед подошедшим капитаном.

— Молодец, Житин! — сказал капитан, невольно недоумевая при виде этого неуклюжего, невзрачного матроса, рисковавшего жизнью за товарища.

А Прошка переминался с ноги на ногу, видимо робея.

— Ну, ступай переоденься скорей да выпей за меня чарку водки... За твой подвиг представлю тебя к медали, а от меня получишь денежную награду.

Совсем ошалевший Прошка даже не догадался сказать «рады стараться!» и, растерянно улыбаясь, повернулся и пошел своей утиной походкой.

— Снимайтесь с дрейфа! — приказал капитан, поднимаясь на мостик.

Раздалась команда вахтенного лейтенанта. Голос его теперь звучал весело и спокойно. Скоро были поставлены убранные паруса, и минут через пять клипер снова неся прежним курсом, подымаясь с волны на волну, и прерванные работы опять возобновились.

— Ишь ведь ты какой, блоха тебя ешь! — остановил Лаврентьич Прошку; когда тот, переодетый и согретый чаркой рома, поднялся вслед за Шутиковым на палубу. — Портной, портной, а какой отчаянный! — продолжал Лаврентьич, ласково трепля Прошку по плечу.

— Без Прохора, братцы, не видать бы мне свету! Как я это окунулся да вынырнул, ну, думаю,— шабаш... Богу отдавать душу придется! — рассказывал Шутиков... — Не продержусь, мол, долго на воде-то... Слышу — Прохор голосом кричит... Плывет с кругом и мне буюк подал... То-то обрадовал, братцы! Так мы вместе и держались, доколь баркас не подошел.

— А страшно было? — спрашивали матросы.

— А ты думал как? Еще как, братцы-то, страшно! Не дай бог! — отвечал Шутиков, добродушно улыбаясь.

— И как это ты, братец, вздумал? — ласково спросил Прошку подошедший боцман.

Прошка глупо улыбался и, помолчав, ответил:

— Я вовсе и не думал, Матвей Нилыч... Вижу, он упал, Шутиков, значит... Я, значит, господи благослови, да за им...

— То-то и есть!.. Душа в ем... Ай да молодец, Прохор! Ишь ведь... На-кося покури трубочки-то на закуску! — сказал Лаврентьич, передавая Прошке, в знак особенного благоволения, свою короткую трубочку, и при этом прибавил забористое словечко в самом нежном тоне.

С этого дня Прошка перестал быть прежним загнанным Прошкой и обратился в Прохора.

(1887)

Вопросы и задания

I. Разберемся в прочитанном

1. Что означала песня для матросов? Можно ли утверждать, что матросская песня — неотъемлемая часть их жизни?
2. Какие центральные фигуры можно выделить в повествовании?
3. Как отблагодарил Прошка Шутикова за доброе к нему отношение?

II. Порассуждаем над произведением

1. Выделите в тексте портретную характеристику Шутикова. Что в его внешности и характере привлекало матросов? Объясните выражение «Шутиков пользовался общей приязнью».
2. Как вы думаете, правильно ли поступил Шутиков, предложив Прошке двадцать франков на покрытие кражи? Какие чувства двигали этим поступком Шутикова?
3. Проследите за тем, как «оттаивал, размягчался» Прошка. В чем это проявлялось?

III. Будьте внимательны к художественному слову

1. В рассказе вы постоянно встречаетесь с описанием внешнего вида того или иного персонажа. Выпишите портретные характеристики Лаврентьича, Шутикова, Игнатова, Прошки Житина и подтвердите свои наблюдения.
2. Обратите внимание на речь героев. Речь их насыщена оборотами, фразами, характерными для разговорного и нелитературного языка. Например: «Вали плясовую, ребята!», «И хорошо же ты поешь, ах хорошо, пес тебя ешь!»
3. В приведенном отрывке выделите слова, которые передают чувства человеческой доброты и ласки. «Прошка слушал эти слова и находился под их обаянием. Никто, во всю его жизнь, не говорил с ним так ласково и душевно. До сей поры его только ругали да били — вот какое было ученье. И теплое чувство благодарности и умиления охватило Прошкино сердце».

СОДЕРЖАНИЕ

Цвети, земля моя — родной Узбекистан!	3
Красота родного края	4
Устное народное творчество	
Мифы и легенды	5
Мифы Древней Греции	6
Подвиги Геракла	6
Мифы древних славян	8
Народный миф о солнце	9
Былины	11
Илья Муромец и Соловей-Разбойник	13
Алпамыш	19
Древнерусская литература	34
Сказание о Кожемяке	35
Литература XIX века	
А. С. Пушкин	39
Зимнее утро	41
Песнь о вещем Олеге	42
Дубровский	47
О композиции эпического произведения	85
М. Ю. Лермонтов	87
Парус	90
Три пальмы	93
Утес	95
Что такое стихи. Двусложные размеры стиха	96
Н. В. Гоголь	99
Сорочинская ярмарка	102
С. Т. Аксаков	117
Очерк зимнего дня	120
Осень	123
И. С. Никитин	126
Лес	128
А. К. Толстой	130
Ты знаешь край...	130
Колокольчики мои...	131
П. А. Вяземский	133
Степью	133
О трехсложных размерах стиха	134
К. М. Станюкович	136
Человек за бортом	138

STIRKAS INNA NIKOLAYEVNA,
ABDULLAYEVA GUZAL SHAPULATOVNA,
TUMPAROV RADIK RAVILYEVICH

100129, □. □□□□□□□□, □□. □□□□□□, 30.

Сведения о состоянии учебника, выданного в аренду

№	Имя и фамилия ученика	Учебный год	Состояние учебника при получении	Подпись классного руководителя	Состояние учебника при сдаче	Подпись классного руководителя
1.						
2.						
3.						
4.						
5.						
6.						

При выдаче учебника в аренду и сдаче его в конце учебного года классным руководителем заполняется приведенная выше таблица в соответствии со следующими критериями

Новый	Состояние учебника перед поступлением в аренду.
Хороший	Обложка целая, не оторвана от основной части книги. Все страницы имеются, целые, не порваны, не отклеены, на страницах нет надписей и линий.
Удовлетворительный	Обложка измята, исчерчена, края обтрепаны, отделена частично от основной части книги и отреставрирована пользователем. Реставрирование удовлетворительное. Вырванные страницы подклеены, некоторые страницы исчерчены.
Неудовлетворительный	Обложка исчерчена, разорвана и полностью или частично оторвана от основной части книги, отреставрирована удовлетворительно. Страницы порваны, отсутствуют некоторые страницы, разукрашены, испачканы, восстановление невозможно.

O'quv nashri

STIRKAS INNA NIKOLAYEVNA,
ABDULLAYEVA GUZAL SHAPULATOVNA,
TUMPAROV RADIK RAVILYEVICH

ADABIYOT

I qism

Ta'lim rus tilida olib boriladigan
umumiy o'rta ta'lim maktablarining
6-sinfi uchun darslik-xrestomatiya

Qayta ishlangan beshinchi nashri

Ташкент
Главная редакция
издательско-полиграфической
акционерной компании «Sharq»
2017

Редактор *Бабаджанов Т.А.*
Художественный редактор *Каноатов Т.*
Технический редактор *Хижова Л.*
Компьютерная верстка *Юлдашева Э.*
Корректор *Корчуганова О.*

Лицензия издания АИ № 201, 28.08.2011.

Подписано в печать 18.04.2017. Формат 70х90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура Школьная. Кегль 12 н/шп. Усл. п. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,82.
Тираж 5315 экз. Заказ № 17-244-А.

Оригинал-макет подготовлен Главной редакцией ИПАК «Sharq»

***Издательско-полиграфический творческий дом «Узбекистан»
Узбекского агентства по печати и информации.
100129, г. Ташкент, ул. Навои, 30.***